Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

ВОСЬМАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ-ШКОЛА «ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

8TH SCHOOL-CONFERENCE “LANGUAGE ISSUES: A YOUNG SCHOLARS’ PERSPECTIVE”

Москва, 25–27 марта 2021 г.
Moscow, 25th –27th March 2021

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
ABSTRACTS

КОНТАКТООБУСЛОВЛЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИ АЛБАНСКО-ГРЕЧЕСКОМ БИЛИНГВИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЯ С. ПАЛЯСА, КРАИНА ХИМАРА, ЮЖНАЯ АЛБАНИЯ)

Алексюк Анастасия Андреевна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

Данное исследование посвящено анализу контактнообусловленных явлений в речи представителей билингвального сообщества с. Паляса в краине Химара на Ионическом побережье Албании. В речи жителей села, которые свободно владеют албанским и греческим языками, встречаются явления языковой интерференции, переключения кодов (ПК) и смешения кодов (СК).

Анализируя записи интервью с информантом из с. Паляса, мы опишем, какие контактнообусловленные изменения языка и явления типа СК и ПК характерны для билингвальных говорящих на территории албанско-греческого языкового «пограничья», и сопоставим полученные наблюдения с результатами предшествующих исследователей [Brown, Joseph 2015; Соболев 2017; Joseph 2019].

При этом нами будет предпринята попытка не просто зафиксировать лингвистические следствия языковых контактов в с. Паляса, но и установить, как соотносятся различные контактнообусловленные явления в речи говорящих, в частности СК и лексическая интерференция (заимствование), разграничение которых является одной из важных проблем в исследовании билингвального использования языка. На примере неадаптированных включений будет показано, как взаимовлияние греческого и албанского языков проявляется при СК на грамматическом уровне.

Отдельное внимание будет уделено неисследованному вопросу о том, какое влияние на языковое поведение албанско-греческих билингвов с. Палясы — прежде всего на стратегии выбора языка при ПК — оказывают индивидуальные компетенции говорящего и внешние факторы (ср. исследование на материале речи албанско-славянских билингвов в [Морозова 2018]).

Источником материала служат записи звучащей речи, сделанные в ходе полевой работы в с. Паляса в сентябре 2019 г. в составе группы исследователей. При сборе материала проводилось включённое наблюдение за речевым поведением информанта в общении с членами семьи и сообщества, спонтанное интервьюирование, анкетирование. При интерпретации материала использовались подходы, принятые в работах по контактной лингвистике [Muysken 2000; Русаков 2004; Myers-Scotton 2006].

Список литературы

Морозова 2018 — *Морозова М. С.* Выбор языка и переключение кодов в балканском полилоге (на примере билингвального сообщества Веля-Гораны, Черногория) // Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных обществах. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 49–67.

Русаков 2004 — *Русаков А. Ю.* Интерференция и переключение кодов (северно-русский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Дис. … докт. филол. наук. СПб., 2004.

Соболев 2017 — *Соболев А. Н.* Языки симбиотических сообществ Западных Балкан: греческий и албанский в краине Химара, Албания // Вестник СПбГУ. Языки и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 420–442.

Brown, Joseph 2015 — *Brown C. G., Joseph B. D.* On Hybrid Forms in Language Contact: some Evidence from the Greek of Southern Albania // Albanohellenica, № 6. 2015. P. 1–8.

Joseph 2019 — *Joseph B. D.* Language Mixing in Palasa // The Laboratory for Greek Dialectology at the Ohio State University, 2019. P. 371–384.

Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Myers-Scotton 2006 — *Myers-Scotton C.* Multiple voices. An Introduction to Bilingualism. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006.

ФОРМЫ С ЛОКАТИВНЫМ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЯМИ В ЗАПАДНЫХ ДИАЛЕКТАХ ТУНДРОВОГО НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛЕВЫЕ ДАННЫЕ

Амелина Мария Константиновна
(Институт языкознания РАН, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, Россия, Москва)

Рукопись «Грамматика самоедского языка» (“Samojedische Grammatik”, далее — SamGr) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд рукописей трудов А. М. Шегрена, ф. 94, оп. 1, д. № 25, 78 лл.). Работа над данной грамматикой велась архимандритом Вениамином (В. Н. Смирновым, 1782–1848) во II пол. 1820-х гг. — I пол. 1830-х гг. в рамках деятельности «самоедской миссии» в Мезенском уезде Архангельской губернии (на западе современного Ненецкого АО). В рукописи представлено описание грамматической системы тундрового ненецкого языка (< самодийские < уральские; далее — ТН) на основе западных диалектов — говоров ненцев, населяющих бассейн р. Мезень, Канинскую, Тиманскую и Малоземельскую тундры. Степень сохранности современных западных диалектов ТН намного ниже, чем восточных [Nikolaeva 2014: 5], по этой причине в настоящее время архивные материалы XIX в. по западным диалектам ТН приобретают всё бóльшую значимость.

Наше исследование[1] представляет собой сравнительный анализ системы именного словоизменения западных диалектов ТН, предложенной архим. Вениамином в I-ой трети XIX в., с аналогичными системами современных западных диалектов (экспедиционные материалы автора по канинскому и колгуевскому диалектам)[2] и литературного ТН языка (на базе центрального, большеземельского диалекта).

В «Грамматике самоедского языка» архим. Вениамина (на 16-ти первых листах) представлено 36 парадигм склонения имен (существительных, прилагательных и числительных) разных типов основ. Яркой особенностью падежной системы «Грамматики самоедского языка» архим. Вениамина является выделение двух самостоятельных падежей с разными формами: инструментального (обозначен как I. в SamGr) и локатива (L. в SamGr), — тогда как во всех современных диалектах ТН и его литературном варианте эти два падежных значения слиты в единой форме («местно-творительный падеж»): LOC/INSTR.SG *-x°na* (*-xəna*) / *-k°na* (*-kəna*); LOC/INSTR.DU *-x°ʔ* / *-k°ʔ* + послелог *nʲána*; LOC/INSTR.PL *-x°ʔna* (*-xəʔna*) / *-k°ʔna* (*-kəʔna*)[3].

1) В SamGr формы с инструментальным значением представлены в двух вариантах. Первый из них образуется с помощью показателя, который обозначается в рукописи как *-мбоі, -мбòі(Nъ), -мбóі(Nъ), -mboi(n), -mbòi(n), -mbóin* и как *-nòi, -poi, -pòi*[4], если именная основа оканчивается на «глухой» («неназализ(ир)ованный») гортанный

---

[1] Исследование ведется при поддержке проекта РНФ 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (рук. — Ю. В. Норманская).

[2] К сравнению привлекаются полевые материалы автора по двум крайнезападным диалектам ТН: 1) материалы по канинскому диалекту, собранные в с. Ома Заполярного района НАО (май—июнь 2011 г.); 2) материалы по колгуевскому диалекту, собранные в пос. Бугрино (остров Колгуев) Заполярного района НАО (ноябрь 2018 г.).

[3] Символом ° здесь и далее обозначается «глубинная» гласная редуцированная фонема, значимая для морфонологии ТН. Символом *ʔ* обозначен «глухой» («неназализ(ир)ованный») гортанный смычный согласный = ʼʼ в записи Н. М. Терещенко [Терещенко 1965], *q* — в обозначении Т. Салминена [Salminen 1998]; символом *ˀ* обозначен «звонкий» («назализ(ир)ованный») гортанный смычный согласный = ʼ в записи Н. М. Терещенко [Терещенко 1965], *h* — в обозначении Т. Салминена [Salminen 1998].

[4] Грамматические парадигмы приводятся в SamGr то в записи на кириллице (в дореволюционной орфографии), то на латинице, а также иногда кириллическая и латинская графические системы оказываются смешаны в записи одной парадигмы или даже одной словоформы.

смычный согласный, например: *ѵдамбòi, NєNæмбоi, æлембòiNъ, chabimbòin, anombòi, mærjómboi, tumbòi, nienjumboin, ервмбоi, аембоi, NicємбóiNъ, мáрzæмбоi, сєімбоi, páidemboi, cænòi, ipòi, indapoi, nimbòi, numbóin, mýmbòi* (формы со значением INSTR.SG).

По нашим экспедиционным данным, в современных крайнезападных диалектах (канинском и колгуевском), как и в ненецком литературном языке, также представлена единая падежная форма LOC/INSTR.SG, фонетически реализующаяся с утратой *-х-* в интервокальной позиции и со стяжением -°- (*-ə-*) и предшествующего гласного в долгий гласный: кр.-зап. *uda* ‘рука’ NOM.SG — [udā́nв] < *uda-хəna* LOC/INSTR.SG. Однако наряду с этой формой в крайнезападных ненецких диалектах для выражения именно инструментального значения в непосессивном склонении широко используется также форма на [-bójʔ] / [-pójʔ] (< *-*(m)pojʔ°*): совр. канин. *хər*° ‘нож’ — [χərbójʔ] ‘ножом’. По значению и происхождению данный аффикс сближается с суффиксом *-трojʔ°* (*-мбой’*), с помощью которого от имен образуются определительные наречия, ср.: *лăкăмбой’* ‘ненадолго, временно; немного’ [Терещенко 1965: 173] < *лăк* ‘быстрый, скорый’ [Терещенко 1965: 172] (ср. в нашей фонологической записи: *lək°mpojʔ°* < *lək°*).

В современных крайнезападных ненецких диалектах зафиксирована деназализация — утрата носового в сочетании «сонорный носовой + шумный» с озвончением последующего шумного согласного (*mp* > *b*, *mpʲ* > *bʲ*, *ncʲ* > *zʲ*, *ŋk* > *g*), однако в записи форм с инструментальным значением в SamGr архим. Вениамина мы не наблюдаем этого упрощения. Это дает нам возможность датировать явление деназализации в данной позиции в крайнезападных ненецких диалектах как инновацию, произошедшую не ранее I-ой трети XIX в.

2) Что касается форм с локативным значением, отмечаемых в рукописи SamGr, то для всех трех чисел характерна «экспансия» аффикса *-сь* (в написании кириллицей) / *-ßj* (в написании латиницей с ориентацией на шведскую орфографию I пол. XIX в.), например: *ѵдàсь, chabíßj, anòßj* (формы со значением LOC.SG); *ѵдагéсь, chabigéßj, anogéßj* (формы со значением LOC.DU); *ѵдáсь, chabíßj, anúßj* (формы со значением LOC.PL).

В современном тундровом ненецком литературном языке нами не было зафиксировано аналогичной формы в этом значении. Однако Н. М. Терещенко неоднократно отмечала особенность образования «превратительной формы» (эссива) в крайнезападных диалектах ТН с помощью аффикса *-сь*, а не литер. *-ӈэ* (*-ŋe°*): б.-з. (литер.) *сидяӈэ* <*sʲidʲaŋe°*> ~ канин. *сидясь* ‘вдвоем’ [Терещенко 1965: 9]. Данный показатель *-sʲ* (*-сь*) восходит к аффиксу инфинитива: *ӈэсь* ‘быть’, ‘находиться (о предметах)’ [Терещенко 1965: 423]. В формах эссива, зафиксированных Н. М. Терещенко в канинском диалекте и архим. Вениамином в западных ненецких диалектах I пол. XIX в., отражено выпадение *-ӈ-* (*-ŋ-*) в интервокальной позиции с последующим стяжением двух гласных. Таким образом, можно предположить, что архим. Вениамин приводит формы эссива в своих грамматических парадигмах в локативном значении.

По нашим экспедиционным данным, в современных крайнезападных диалектах (на примере канинского), как и в ненецком литературном языке, в эссивном значении представлена форма на *-ӈэ* (*-ŋe°*), однако в значении ‘почему, зачем?’ широко функционирует форма *ăмгэсь* вместо литер. *ӈăмгэхэ̆на* (LOC/INSTR.SG от *ӈăмгэ* ‘что’).

Таким образом, материал рукописи “Samojedische Grammatik” («Грамматика самоедского языка») архим. Вениамина (Смирнова) оказывается ценным источником сведений о системе именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка I пол. XIX в. Благодаря ему мы можем выявить специфические диалектные черты, которые были присущи западным ненецким идиомам на этом хронологическом этапе, а также сопоставить эти архивные данные о системе именного словоизменения с аналогичным материалом по современным западным диалектам и тундровому ненецкому литературному языку.

Глоссы и сокращения

б.-з. — большеземельский (центральный) диалект тундрового ненецкого языка
канин. — канинский диалект тундрового ненецкого языка
кр.-зап. — крайнезападные диалекты тундрового ненецкого языка
литер. — литературный
совр. — современный
ТН — тундровый ненецкий язык
DU — двойственное число
INSTR — инструментальный падеж
LOC — локатив (местный падеж)
NOM — номинатив (именительный падеж)
PL — множественное число
SG — единственное число

Список литературы

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. М., 1965.

Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I.* A Grammar of Tundra Nenets. Berlin — Boston, 2014.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXVI. Helsinki, 1998.)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ-УПРЕКОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Антонова Евгения Борисовна
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва)

Исследовательская работа посвящена коммуникативно-прагматическим особенностям речевых актов упрека в английской лингвокультуре. В ходе работы были проанализированы функции речевых актов упрека, их типы и конструкции, средства выражения. Такие области лингвистики, как прагматика и дискурсивный анализ, также были рассмотрены в исследовании, поскольку речевые акты упрека являются элементами конфликтного дискурса, и прагматическая ценность этих высказываний должна быть учтена для понимания роли упреков для лингвокультуры.

Предмет исследования представляет собой актуальную тему, неразрывно связанную с психолингвистикой и нейролингвистикой. Эти отрасли лингвистики являются относительно новыми, что означает недостаточность исследований в этих областях.

Объектом исследования является роль речевых актов упрека в английской лингвокультуре, в том числе в английской классической литературе. **Предметом** данного исследования является коммуникативно-прагматическое значение речевых актов упрека в английском языке.

Целью данного исследования является изучение коммуникативно-прагматических особенностей речевых актов упрека в английском языке. Для достижения поставленной цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1) Изучить область прагматики.

2) Изучить конфликтный дискурс.

3) Классифицировать речевые акты упрека. Изучить их типы, функции, конструкции, средства выражения.

4) Изучить роль речевых актов упрека в английском языке и классической литературе на примере произведения Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

Материалом исследования послужили художественные тексты, в частности произведение Джейн Остин «Гордость и предубеждение», серия романов Джоан Роулинг о Гарри Поттере, произведение Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес».

В процессе исследования применялись такие **методы**, как дискурсивный анализ, сравнительный анализ, метод аналогии.

Результатом исследования стало понимание значимости речевых актов упрека для конфликтного дискурса англоязычной культуры. Исследование позволило обратить внимание на проблемы, возникающие у участников коммуникативного процесса в связи с ошибочной интерпретацией сообщения, представленного в имплицитной форме.

LEXICO-TYPOLOGICAL STUDY OF THE VERBS OF THROWING

Блинова Алёна Алексеевна
Blinova Alyona Alekseevna
(NRU HSE, Russia, Moscow)

Lexical typology is the field of study analyzing how semantic material is packed into words [Lehrer 1992; Koptjevskaja-Tamm 2008; Koptjevskaja-Tamm et al. 2016]. It has gained notable attention in the recent years. This phenomenon is understandable, since it deals with semantics and, inherently, understanding and recreating human speech. Verbs have always occupied a special place in typological works, and many of those are verbs of movement. Some notable examples are studies of the verbs of putting and taking done by Bowerman et al. (2004) and Kopecka and Narasimhan (2012), verbs of cutting and breaking by Majid et al. (2007), and verbs of falling by Reznikova and Vyrenkova (2015).

The study at hand "Lexico-Typological Study of the Verbs of Throwing" continues the research tradition in lexical typology — studying verbs of movement. Its matter of study is formed by verbs of throwing in two European languages — Russian and English. The research takes root in the studies of Ivtushok (2015; 2016) who encompasses the verbs of throwing in Russian, English, Estonian, German, French, Moksha and Kazakh. Additional perspectives are suggested by analysis of the verbs of throwing in Tamil done by Smirnitskaya (forthcoming), Kashkin (2019) on Izhma dialect of Komi; what is more, Kashkin and Mordashova (forthcoming) explore throwing in Hill Mari and venture off into neighbouring semantic domains of distribution in space and destruction (cutting and breaking). Regarding the methods applied in the course of this study, the frame methodology is put to use. Its form that is employed here was proposed by the Moscow Lexico-Typological group and covered extensively in the paper by Rakhilina and Reznikova (2013). What is more, its graphical depiction in the form of semantic maps was introduced by Haspelmath (2003) and adapted to the needs of lexical typology by François (2008).

The data collected within this study covers various usage cases in which verbs of throwing display different meanings. The list of verbs studied includes three English (*to throw*, *to drop*, *to toss*) and four Russian verbs (*бросать*, *кидать*, *швырять*, *метать*), all non-phrasal, non-affixal, imperfective and capable of taking on physical objects. The list has been comprised based on the works of Ivtushok (2015) and supported by dictionary studies.

This study adds a new layer to the semantic analysis by bringing metaphors with verbs of throwing into the picture. These metaphorical usage cases, as well as direct meanings, are derived based on previous studies, dictionaries and corpus data: those provide information on how common the verbs and their particular frames of meaning are in the language of today. The instances are analyzed, classified and clustered to form frames of meaning. Once groups have been formed and lists of meanings are present for both Russian and English, metaphors and direct meanings are matched. Consequently, several hypotheses linking direct and figurative meanings are suggested for further testing, with their potential assessed. As a result of the study, sixteen frames have been identified for metaphors with verbs of throwing in Russian and English and respective semantic map has been devised. Some examples of those are (1) moving something fast, (2) quitting, and (3) expressing negativity. Notably, the first frame is by far the most common and, in certain contexts, can be expressed by all out of the seven verbs under scrutiny.

What is more, nine hypotheses of links between direct and metaphorical meanings have been formed; their validity has been assessed and further statistical validation suggested. Furthermore, semantic maps suggested by Ivtushok (2015) for the verbs of throwing in Russian and English have been updated and translated into English to make them more useful for the international scientific community.

In general, matching direct meanings to figurative ones is a novel concept, and verbs of throwing may contribute greatly to the field. What is more, the study at hand may lay foundation for other studies that may broaden the scope of analysis, bring in new facts and observations, and

collect an amount of quantitative data high enough to make hypothesis testing valid. Concerning practical value of this study, it may boost development in the sphere of artificial intelligence and machine learning by developing a framework of linking metaphorical meanings to direct ones.

Bibliography

Е. И. Ивтушок. Глаголы типа *бросать* в лексико-типологическом освещении // Типология морфосинтаксических параметров, 2015. С. 114–122.

Е. И. Ивтушок. К типологии глаголов со значением ‘бросать’ // *А. А. Кретов* (ред.). Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов, 3. Воронеж, 2016.

Е. В. Кашкин. Глаголы с семантикой бросания в ижемском диалекте коми языка. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2019.

Е. В. Кашкин, Д. Д. Мордашова. Полисемия и грамматикализация глаголов бросания: данные горномарийского языка (в печати).

Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2. С. 3–31.

A. François. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // *M. Vanhove* (ed.). From Polysemy to Semantic change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 163–215.

M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // The new psychology of language. Vol. 2. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 2003. P. 211–242.

A. Kopecka, B. Narasimhan (ed.). Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective. John Benjamins Publishing, 2012. P. 100.

M. Koptjevskaja-Tamm. Approaching lexical typology // *M. Vanhove* (ed.). From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam, 2008.

M. Koptjevskaja-Tamm, E. Rakhilina, M. Vanhove. The semantics of lexical typology // *N. Riemer*. The Routledge Handbook of Semantics. Routledge, 2016. P. 434–454.

A. Lehrer. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives // *M. Pütz* (ed.). Thirty years of linguistic evolution. Studies in honour of René Dirven on the occasion of his sixtieth birthday. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1992. P. 243–256.

A. Majid et al. The semantic categories of cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics, 2007.

T. I. Reznikova, A. Vyrenkova. Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach. Higher School of Economics Research Paper. No. WP BRP. 2015.

СТРУКТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ЛЕКСИЧЕСКИМИ ПОВТОРАМИ REPLECON

Борисова Ольга Сергеевна
(МПГУ, Россия, Москва),

Бабаина Елена Аркадьевна
(ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, Россия, Санкт-Петербург)

В докладе мы представим базу данных конструкций с лексическими повторами RepLeCon и рассмотрим ее особенности, включая принципы отбора и разметки конструкций и области его применения.

В отличие от существующих ресурсов, [Зализняк 2016; Инькова 2017; Эндресен и др. 2020], RepleCon ориентирован на конкретный класс конструкций[5] — это структуры с повторами различных типов и их эквиваленты в английском, испанском, немецком, финском и французском языках. Поиск производится по параллельным подкорпусам Национального корпуса русского языка и OPUS в системе Sketch Engine. Выбор языков обусловлен, во-первых, объемом параллельных подкорпусов НКРЯ на этих языках, во-вторых, владением указанными языками участниками проекта.

На данный момент собрано и проаннотировано 650 примеров для следующих конструкций: тавтологии, устанавливающие тождество (*Жизнь есть жизнь*); конструкции ‘X так X’ (*Гулять так гулять*) и ‘X как X’ (*Люди как люди*); тавтологии с условными и относительными придаточными (*Что сделано, то сделано*), дизъюнктивные структуры (*Или он придет, или не придет*); «грамматикализованные» повторы типа ‘ни X, ни Y’ (*Ни рыба, ни мясо*).

Отобранные конструкции и их эквиваленты размечаются по пяти группам параметров.

1) Описание выдачи включает 11 базовых полей: полный и краткий контекст как на исходном (L1), так и на целевом языках (L2), характеристика подкорпуса и его размер, язык оригинала и перевода.

2) Описание структуры включает 10 полей: повторяющиеся элементы для L1 и L2; количество повторов и слов в примере на L1 и L2 и др.

3) Описание семантики включает 7 полей: степень семантического тождества между повторяющимися элементами; тип информации, к которой отсылает конструкция; наличие / отсутствие показателей референциального статуса при ИГ в примере на языках L1 и L2 и идиоматический признак конструкции.

4) Описание прагматики включает 4 поля: структура речевого события; модус (устный, письменный и т. д.), тип отрывка (повествовательный, описательный и т. д.), пол говорящего.

5) Характеристика перевода описывает степень соответствия оригинала и перевода, которая может быть полной, частичной или нулевой.

Представленные данные о структурных и семантических свойствах конструкций полезны для развития систем машинного обучения, см. [Lyngfelt et al. 2018]; анализ реальных стратегий их перевода вносит вклад в развитие систем машинного перевода.

В настоящее время завершается процесс формирования базы данных, которая будет размещена на сайте проекта https://www.lexicalrepetitions.com/. В ходе доклада планируется представить ее рабочий вариант в формате *.xlsx.

[5] Под конструкциями понимаются языковые выражения, «у которых есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Goldberg 1995: 4].

Список литературы

Зализняк 2016 — *Зализняк Анна А.* База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2016». М.: РГГУ, 2016. С. 763–775.

Инькова 2017 — *Инькова О. Ю.* Принципы определения степени лингвоспецифичности коннекторов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2017». М.: РГГУ, 2017. С. 139–149.

Эндресен и др. 2020 — *Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н.* Русский Конструктикон: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2020». М.: РГГУ, 2020. С. 241–255.

Goldberg 1995 — *Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Lyngfelt et al. 2018 — *Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T. T.* (eds.) Constructicography: Constructicon development across languages. Amsterdam: John Benjamins, 2018.

ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД ОТ ПРОГРЕССИВА К БУДУЩЕМУ ВРЕМЕНИ В ДВУХ ЯЗЫКАХ МАЙЯ

Виноградов Игорь Андреевич
(РГГУ, Россия, Москва)

Многие индейские языки Америки в XVI в. стали использоваться испанскими миссионерами для христианизации местного населения. Они создавали алфавиты, составляли словари и переводили религиозные тексты. Влияние христианской миссии на изменения в лексиконе и дискурсе индейских языков в некоторой степени изучалось [Hanks 2010; Romero 2015], поэтому данный доклад сфокусирован на грамматических изменениях.

На основании анализа письменных источников колониального периода и полевых данных в докладе будет показано, что в глагольных системах двух языков майя горной Гватемалы — кекчи и покомчи — произошло одно и то же изменение: конструкция, в XVI в. выражавшая прогрессивный аспект, стала использоваться для обозначения будущего времени. При этом конкретные морфемы и синтаксическая структура в этих языках различны: префикс *ta-* (крепящийся к финитной форме глагола) в кекчи и вспомогательный предикат *naak* (требующий номинализации глагола) в покомчи.

В докладе будут приведены доводы за то, что данное изменение зародилось в кекчи, где префикс *ta-* стал использоваться в контекстах будущего времени, так или иначе связанных с идеей уверенности и достижения подготовительной стадии, см. [Bybee et al. 1994; Haspelmath 1998; Dahl 2000]. Затем этот семантический шаблон был заимствован в покомчи, причем этот процесс был усилен (или спровоцирован) евангелизационной деятельностью доминиканских миссионеров в XVI и XVII вв., которые массово переводили религиозные тексты с одного языка майя на другой. Христианские тексты были чрезвычайно авторитетны и постоянно повторялись не только миссионерами, но и местным населением. Очевидно, доминиканская традиция предписывала переводить формы с *ta-* на кекчи формами с *naak* на покомчи. Таким образом формальное соответствие этих форм сохранилось, хотя семантическая нагрузка конкретных морфем со временем изменилась.

Список литературы

Bybee et al. 1994 — *Bybee, Joan, Revere Perkins* & *William Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Dahl 2000 — *Dahl, Östen*. The grammar of future time reference in European languages // Tense and aspect in the languages of Europe / Ed. *Östen Dahl*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 309–328.

Hanks 2010 — *Hanks, William F*. Converting words: Maya in the age of the cross. Berkeley: University of California Press, 2010.

Haspelmath 1998 — *Haspelmath, Martin*. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // Diachronica. 1998, 15 (1). P. 29–62.

Romero 2015 — *Romero, Sergio*. Language, catechisms, and Mesoamerican lords in Highland Guatemala: Addressing “God” after the Spanish Conquest // Ethnohistory. 2015, 62 (3). P. 623–649.

ИГРА СЛОВ В КИТАЙСКИХ НЕДОГОВОРКАХ-СЕХОУЮЙ

Гавришева Елизавета Глебовна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

Доклад посвящен фразеологической единице современного китайского языка (СКЯ) сехоуюй (歇后语 *xiēhòuyǔ*), в русской традиции обычно обозначаемой термином «недоговорка». В данном типе устойчивых выражений, главным признаком которых является их двухчастная форма, отношения между частями схожи с отношением «загадка — разгадка»: в первой части содержится образ, а вторая указывает на ту сторону этого образа, которая актуализируется в данном контексте, причем значение имеет только «разгадка». Речение второй части помещено одновременно в два контекста (собственный контекст недоговорки и контекст высказывания) и реализуется в разных значениях: под одним, поверхностным, значением подразумевается другое, которое говорящий в действительности хочет выразить [Прядохин 1997].

С точки зрения грамматики и семантики недоговорка представляет собой законченное суждение в форме предложения, однако недоговорка может включаться в речевую цепь как часть простого предложения, т. к. ее смыслообразующим элементом является исключительно вторая часть, по своей структуре в большинстве случаев являющаяся словосочетанием. К формальным особенностям недоговорок относятся обязательность двухчастного характера, а также возможность употребления в речи в усеченной форме, когда вторая часть опускается, а первая часть употребляется в ее значении [Прядохин 1997].

Предположив, что недоговорки всегда являются речениями юмористического характера и дают простор для языковой игры, мы поставили своей задачей проанализировать способы создания игры слов в недоговорках.

Проведенное исследование показало, что языковая игра в недоговорках достигается двумя способами: через семантические каламбуры (в рамках которых можно выделить каламбуры, основанные на многозначности ситуации и каламбуры, основанные на полисемии лексических единиц) и через созвучные каламбуры (среди них каламбуры, создаваемые за счет полной омофонии либо схожести звучания). Так как СКЯ является тональным языком, в котором тон выполняет смыслоразличительную функцию, внутри второго типа можно выделить такой специфический способ создания игры слов, как обыгрывание разницы тона. Отдельно можно выделить языковую игру графического типа, основанную на использовании особенностей иероглифической письменности.

Игра слов в недоговорках создается за счет целого ряда средств. Типологические особенности китайского языка, а именно, фиксированный состав слога со строгими структурой и правилами комбинации, ограничивающий общее количество слогов в системе, факультативность грамматических показателей и высокая продуктивность конверсии как способа словообразования являются причиной появления большого числа недоговорок, игра слов в которых основана на многозначности слов, омофонии или схожести звучания. Таким образом, появление и популярность этого типа фразеологизмов, обязательным элементом которых является заключенная в них игра слов, во многом обусловлена спецификой СКЯ и иероглифической письменности.

Список литературы

Косинова 2015 — *Косинова Л. В.* Национально-специфические способы создания комического эффекта в китайском языке // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 424–432.

Прядохин 1997 — *Прядохин М. Г.* Китайские недоговорки-иносказания. М.: Наука, 1997. 148 с.

Софронов 2007 — *Софронов М. В.* Китайский язык и китайская письменность. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 640 с.

Тань Аошуан 2004 — *Тань Аошуан*. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

Чживэнь 2016 — *Мао Чживэнь*. Сравнение и перевод каламбура в русском и китайском языках // Журнал научных и прикладных исследований. Уфа, 2016. № 10. С. 18–23.

ПОВЫШАЮЩАЯ АКТАНТНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Горбунова Валерия Алексеевна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

Настоящий доклад посвящен исследованию основных средств выражения значений из области повышающей актантной деривации в современном китайском языке (СКЯ), влияющей на число глагольных актантов и интерпретацию называемой ситуации. На основе анализа немногочисленных предшествующих исследований и корпусных данных описываются типы актантной деривации и подходы к трактовке сдвигов в актантной структуре глагола, анализируются базовые каузативные и аппликативные конструкции СКЯ.

Семантика каузативной конструкции подразумевает наличие двух событий — инициирующего и инициированного [Comrie 1976]. Каузатив в СКЯ выражается аналитически, прототипически конструкцией с глаголом 使*shǐ* ‘заставлять’ (1):

(1) a. 我哑口无言
Wǒ *yǎkǒuwúyán*
1.Sg лишиться.дара.речи
‘Я лишился дара речи’.

b. 他使我哑口无言
Tā *shǐ* *wǒ* *yǎkǒuwúyán*
3.Sg CAUS 1.Sg лишиться.дара.речи
‘Он лишил меня дара речи’.

Каузативные глаголы в СКЯ по семантике можно классифицировать на рогатив (叫 *jiào* ‘просить’), директив (令*lìng* ‘приказывать’), прохибитив (禁止 *jìnzhǐ* ‘запрещать’), ассистив (帮助 *bāngzhù* ‘помогать’) и глаголы побуждения к движению (引导 *yǐndǎo* ‘направлять’).

Анализ материала показывает, что аппликатив, или присоединение актанта, который был необязательным участником или обстоятельством в базовой конструкции, в СКЯ выражается аналитически при помощи порядка слов. «Низкий аппликатив» в типологии [Pylkkänen 2002], при котором подчеркивается наличие посессивной связи между дополнениями (2), можно образовать только от переходного глагола:

(2) 他修了我三扇门
Tā *xiū-le* *wǒ* *sān-shàn* *mén*
3.Sg чинить-PFV 1.Sg три-Cl дверь
‘Он починил мне три двери’.

Аппликатив в СКЯ также реализуется при помощи присоединения к глаголу соответствующих показателей отглагольной природы: 给 *gěi* ‘давать’ (3), если новый участник реализуется как Бенефактив; 在 *zài* ‘находиться’ (4) или 到 *dào* ‘направляться’, если актант представлен Местом:

(3) 他把短信发给我
Tā *bǎ* *duǎnxìn* *fā-gěi* *wǒ*
3.Sg ACC СМС.сообщение отправлять-APPL 1.Sg
‘Он отправил мне смску’.

(4) 老人住在森林里
Lǎorén *zhù-zài* *sēnlín-lǐ*
Старик жить-APPL лес-LOC
‘Старик живет в лесу’.

Природа этих показателей представляет собой дискуссионный для синологии вопрос, так, в [Paul, Whitman 2010] доказывается невозможность однозначно считать 给 *gěi* самостоятельным глаголом или частью составного слова (compound verb), однако и трактовка 给 *gěi* как предлога представляется сомнительной. И, хотя однозначно определить статус данного показателя в СКЯ представляется затруднительным, он может трактоваться как аффикс, квазиаффикс или слово, его функция аппликативизации сомнений не вызывает.

Как показал проведенный нами анализ, значения из области повышающей актантной деривации в СКЯ выражаются преимущественно аналитическим способом, однако отмечается тенденция постепенного превращения соответствующих служебных слов в аффиксальные морфемы.

Список литературы

Колпачкова 2019 — *Колпачкова Е. Н.* Аппликативные конструкции в современном китайском языке // Китайская лингвистика и синология. Тезисы докладов международной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 96–99.

Храковский 2011 — *Храковский В. С.* Каузативная деривация (особый случай) // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов / Ред. *Храковский В. С.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 184–192.

Bingfu et al. 2015 — *Lu Bingfu, Zhang Guohua, Walter Bisang*. Valency classes in Mandarin // Valency classes in the world’s languages. Vol. 1. Introducing the framework and case studies from Africa and Eurasia / Ed. *Malchukov A., Comrie B.* Berlin — Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 709–764.

Comrie 1976 — *Comrie B.* The Syntax of Causative Constructions // Syntax and Semantics / Ed. *Shibatani M.* LA, California: University of Southern California, 1976. Vol. 6. P. 261–311.

Dylan 2018 — *Tsai Wei-tien Dylan*. High applicatives are not high enough: a cartographic solution. Lingua Sinica. 2018, 2. 21 p. [Электронный ресурс]. URL: https://paperity.org/p/107471508/high-applicatives-are-not-highenough-a-cartographic-solution (дата обращения: 17.12.20).

Paul 2016 — *Paul W.* Double Object Construction // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics / Ed. *Sybesma R.* Leiden: Brill, 2016. P. 125–130.

Paul, Whitman 2010 — *Paul W., Whitman J.* Applicative Structure and Mandarin ditransitives // Argument Structure and Syntactic Relations: A cross-linguistic perspective / Ed. *Duguine M., Huidobro S., Madariaga N.* Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 261–282.

Pylkkänen 2002 — *Pylkkänen L.* Introducing arguments. Boston: Massachusetts Institute of Technology, 2002. 137 p.

К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛОВ ЗАМЕНЫ: ДАННЫЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Горшкова Юлия Александровна
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва),

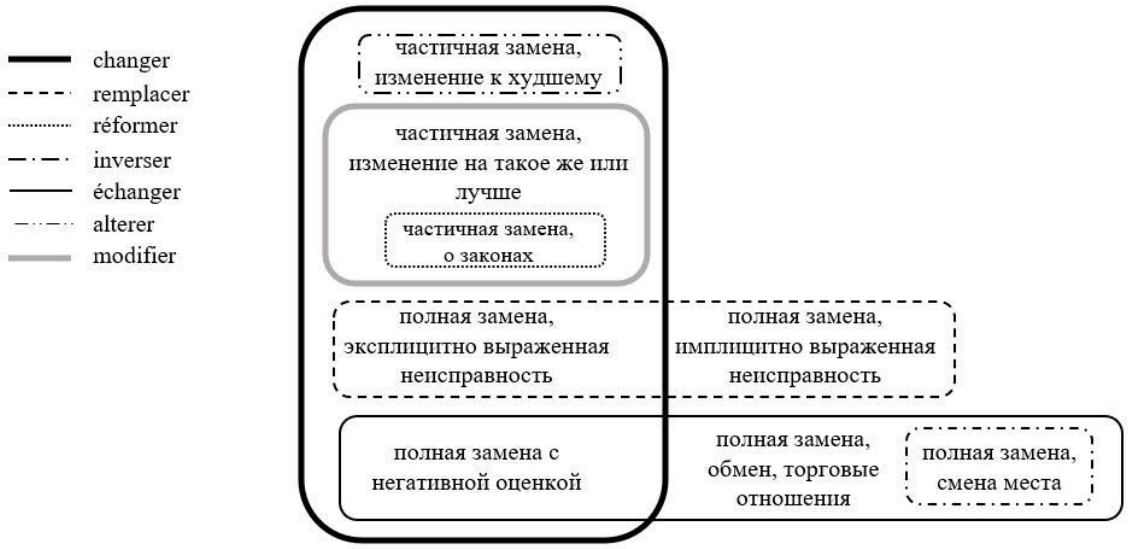
Чубарова Любовь Игоревна
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Зона замены привлекательна для типологического исследования за счет своей новизны и универсальности. Ранее проведенные типологические исследования касались в основном поля движения [Майсак, Рахилина 2007; Круглякова, Рахилина 2010], поле замены не анализировалось. Замена является эмпирически базовым действием, она представляет собой фундаментальный вид человеческой деятельности.

В работе рассматривается в типологической перспективе семантика глаголов замены во французском языке. Мы подготовили материал по прямым значениям глаголов в рамках фреймового подхода, см. [Рахилина, Плунгян 2007].

Изначальной гипотезой исследования было следующее распределение глаголов по фреймам: *modifier*, *remplacer* и *échanger* покрывали соответственно фреймы модификации, полной замены неисправного и обмена; *changer* выступал доминантой поля, покрывающей все возможные контексты. Данное распределение вытекало из данных sketchengine и Larousse.

Однако после опроса носителей выявилось, что поле замены в целом оказалось более дробным и обслуживается глаголами *modifier*, *remplacer*, *échanger*, *changer*, *inverser*, *reformer*, *alterer*. Дистрибуцию этих глаголов можно представить следующим образом.



Семантические параметры распределения в зоне глаголов замены оказались несколько более замысловатыми.

1) Во французском языке нет доминантного глагола обмена: *changer* не только не покрывает большинство ситуаций обмена, но и достаточно сильно ограничен в использовании.

2) Характер замены — частичный или полный — является основным параметром распределения глаголов, при этом поле полной замены устроено более дробно, чем поле частичной замены.

3) Еще одним важным параметром является оценка говорящим заменяемого и заменяющего: во французском языке существуют отдельные глаголы для обслуживания замены с негативной оценкой (ср. русское *променять*), причем такой параметр применим и к полному, и к частичному паттерну замены.

В докладе мы более подробно представим процесс исследования и обсудим основные фреймы и типы ситуаций, выявленные нами из анализа лексических противопоставлений.

Список источников

Larousse [электронный ресурс] URL: www.larousse.fr/

Sketch Engine [электронный ресурс] URL: www.sketchengine.eu/

Cambridge Dictionary [электронный ресурс] URL: www.dictionary.cambridge.org/

Список литературы

Круглякова, Рахилина 2010 — *Круглякова В. А.*, *Рахилина Е. В.* Глаголы вращения: лексическая типология // Труды международной конференции «Диалог 2010». 2010. С. 241–247.

Майсак, Рахилина 2007 — *Майсак Т. А.*, *Рахилина Е. В.* Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: ООО Научно-издательский центр «Индрик», 2007.

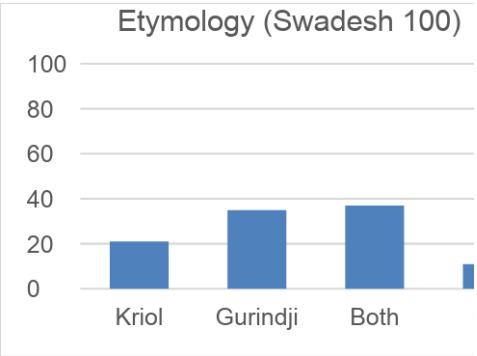
Рахилина, Плунгян 2007 — *Рахилина Е. В.*, *Плунгян В. А.* О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007. С. 9–26.

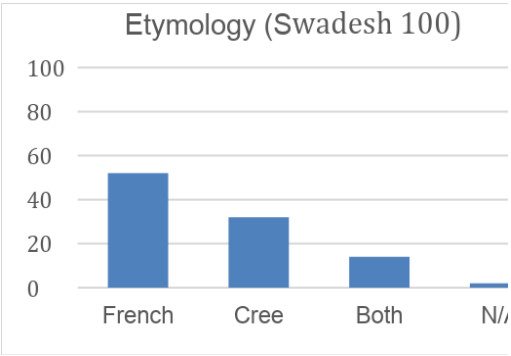
TYPOLOGY OF MIXED LANGUAGES: SURVEY OF CORE VOCABULARY PATTERNS

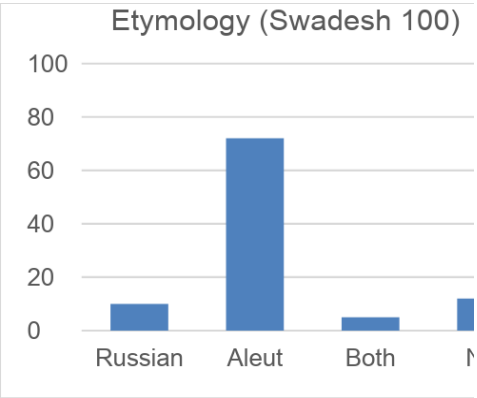
Гриднева Екатерина Михайловна
Ekaterina Gridneva
(NRU HSE, Russia, Moscow)

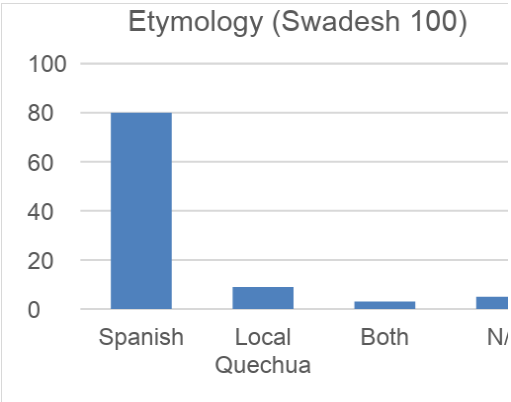
Mixed languages have been studied from the typological angle by Bakker (2003, 2015), Meakins (2013, 2018), Muysken (2008). These classifications are based on structural features and historical perspective of the languages. The main aim of this study is to draft the typology of mixed languages in terms of their core vocabulary. The following mixed languages are under the study: Michif, Medny Aleut, Gurindji Kriol and Media Lengua. First, we are going to review the general claims regarding the lexical aspect of the mixed languages under the study. Second, we will examine whether these statements also hold for their core vocabulary. For this purpose, Swadesh lists were used. We take into account the view that for the mixed languages Swadesh lists are useless in terms of building genetic relations. However, we have chosen these lists as a valuable sample of diverse (in terms of word class) and stable vocabulary. What is more, we supplement Bakker's typology by adding our classification which helps to find some more general tendencies. The following results will show the typology of mixed languages in terms of their vocabulary.

If we consider the most stable vocabulary (Swadesh 100), we come up to the following results: Gurindji Kriol and Michif are equally distributed in terms of the basic vocabulary. It is interesting to notice that both of them have bigger proportion of doublets than Medny Aleut and Media Lengua. On the contrary, Medny Aleut and Media Lengua have very strong influence of one dominant lexifier language: Aleut and Spanish respectively. However, only Gurindji Kriol has an extremely big number of doublets. This feature is quite unusual for other mixed languages under the study.

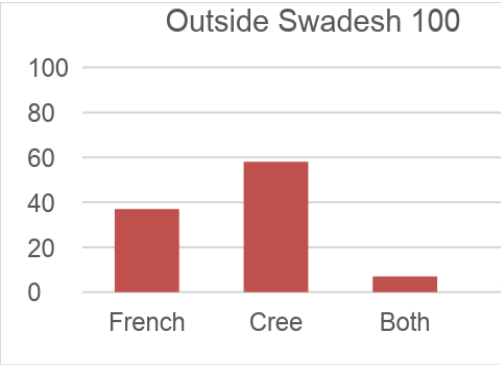


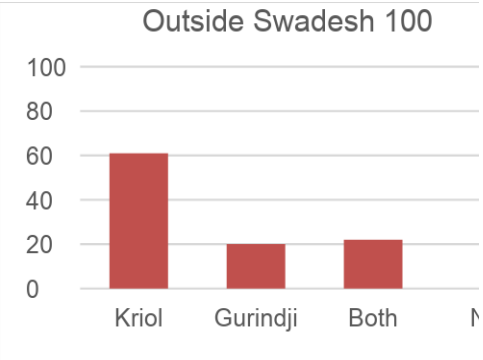


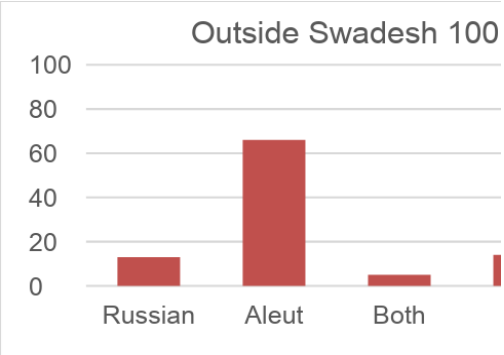


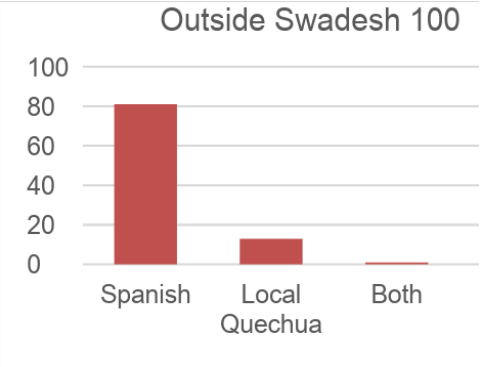


Secondly, it is necessary to compare the results of less stable vocabulary — words outside Swadesh 100 but included in Swadesh 200. In this case the situation is changing. Gurindji Kriol became more affected by the dominant lexifier language (which is different from more stable vocabulary and that seems interesting). The same principle works for Michif. The leading language has changed from French to Cree. However, the rest two languages have the same output. Finally, the general trend connected to the less stable vocabulary is the following: languages became more dependent on the leading lexifier language.









Now we can state that only in some languages the vocabulary is evenly distributed while others have very strong influence of the one lexifier language.

As it was mentioned before, Bakker provided structural types of mixed languages. Here we will consider Bakker's and our typology.

Mixed languages according to vocabulary composition	One leading lexifier language e.g. Medny Aleut and Media Lengua	Equal distribution of vocabulary e.g. Michif and Gurindji Kriol	Doublets e.g. Gurindji Kriol

Structural types of Mixed languages (by Bakker)	G-L languages: source of grammar is different from the source of lexicion e.g. Media Lengua	L-INFL languages: verbal and lexical roots from one language and the verbal inflections from another e.g Medny Aleut	N-V languages: verbs from one language and nouns from another e.g. Michif	V-NN languages: one language provides verb phrase while another does converbs and noun phrase, but the lexicon in noun phrase can be from both languages	V-NN languages: one language provides verb phrase while another does converbs and noun phrase, but the lexicon in noun phrase can be from both languages

As a consequence, it is possible to group mixed languages either using their structural types, or using the lexicon features. In the second case, the groups are wider. This factor can be explained using Bakker's types as well. If we consider the first group where there is one leading lexifier language, in accordance with structural types, Media Lengua has different sources of grammar and lexicon while in Medny Aleut verbal and lexical roots from one language. These factors provide the reason of the fact that they do not have even distribution of the core vocabulary. One language is always a leading one in terms of the lexicon. Secondly, in N-V languages and V-NN languages the vocabulary is more or less evenly distributed because of the structural features: e.g. verbs and nouns come from different languages.

Bibliography

Головко 2009 — *Головко Е. В.* Алеутский язык в Российской Федерации (структура, функционирование, контактные явления). Дисс. ... докт. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб., 2009.

Головко, Вахтин 1997 — *Головко Е. В., Вахтин Н. Б.* Язык алеутов о. Медный. Контактологический энциклопедический словарь-справочник. 1997, 1. С. 303–308.

Bakker 1997 — *Bakker P.* A language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis (Vol. 10). Oxford University Press, 1997.

Bakker 2017 — *Bakker P.* Typology of mixed languages // Cambridge Handbook of Linguistic Typology. Cambridge University Press, 2017. P. 217–253.

Bakker, Matras 2013 — Contact languages: A comprehensive guide. Vol. 6 / Eds. *Bakker P., Matras Y.* Walter de Gruyter, 2013.

Bakker, Mous 1994 — *Bakker P. J., Mous M.* Mixed languages. 15 case studies in language intertwining. 1994.

Bakker, Muysken 1995 — *Bakker P., Muysken P.* Mixed languages and language intertwining // Pidgins and creoles: An introduction. 1995. P. 41–52.

Campbell 2013 — *Campbell L.* Historical linguistics. Edinburgh University Press, 2013.

Dikker 2008 — *Dikker S.* Spanish prepositions in Media Lengua: redefining relexification // Empirical Approaches to Language Typology. 2008, 39. P. 121.

Heine, Kuteva 2005 — *Heine B., Kuteva T.* Language contact and grammatical change. Cambridge University Press, 2005.

Matras 2000 — *Matras Y.* Mixed languages: a functional–communicative approach // Bilingualism: Language and Cognition. 2000, 3 (2). P. 79–99.

McConvell, Meakins 2005 — *McConvell P., Meakins F.* Gurindji Kriol: A mixed language emerges from code-switching // Australian journal of linguistics. 2005, 25 (1). P. 9–30.

Meakins 2014 — *Meakins F.* Language contact varieties // The languages and linguistics of Australia: A comprehensive guide. 2014. P. 361–411.

Meakins 2018 — *Meakins F.* Mixed languages // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. 2018.

Muysken 1981 — *Muysken P. C.* Halfway between Quechua and Spanish: The case for relexification. 1981.

Myers-Scotton 1998 — *Myers-Scotton C.* 12 – A way to dusty death: the Matrix Language turnover hypothesis // Endangered languages: language loss and community response. 1998. P. 289–316.

Swadesh 1959 — *Swadesh M.* Linguistics as an Instrument of Prehistory // Southwestern Journal of Anthropology. 1959, 15 (1). P. 20–35.

Thomason 1997 — Contact languages: A wider perspective (Vol. 17) / Ed. *Thomason S. G.* John Benjamins Publishing, 1997.

Thomason, Kaufman 1992 — *Thomason S. G., Kaufman T.* Language contact, creolization, and genetic linguistics. University of California Press, 1992.

Velupillai 2015 — *Velupillai V.* Pidgins, creoles and mixed languages: An introduction (Vol. 48). John Benjamins Publishing Company, 2015.

О НЕОБХОДИМОСТИ УТОЧНЕНИЯ ТЕРМИНА *ITALIANO NEOSTANDARD* В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ИТАЛИИ

Громыко Мария Дмитриевна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

В докладе рассматривается понятие *italiano neostandard* и ставится под сомнение корректность его использования на сегодняшний день. Термин *italiano neostandard* впервые встречается в конце 80-х гг. XX в. в работах Г. Берруто как развитие концепции *italiano standard* для описания совокупности отклонений от литературного языка в повседневной речи носителей. Идея Берруто о существовании потенциальной нормы получает развитие в трудах А. А. Собреро, А. Мильетты, Ф. Сабатини, П. Д'Акилле, но часто трактуется по-разному. Наряду с *neostandard* употребляются обозначения *italiano dell'uso medio*, *italiano di oggi*, *italiano di domani* и др.

Обилие терминов приводит к путанице и сомнениям в правомерности использования некоторых языковых форм. Показательны тема недавнего выпуска популярного подкаста об изучении итальянского *Podcast Italiano* «Итальянский ухудшается? *Neostandard*» и обращения в справочную службу Treccani.it для разъяснения термина *neostandard*.

Исследование показало, что понятие *italiano neostandard* не в полной мере корректно на сегодняшний день, поскольку описывает многие черты современного нормативного стандарта, которые уже прочно вошли в ежедневную языковую практику итальянцев в устной и письменной речи, а также фрагментарно присутствуют в учебниках итальянского языка для иностранцев и в итальянских грамматиках. Приставка *neo-* вводит в заблуждение, т. к. многие черты не являются новыми и обнаруживаются уже на ранних стадиях становления языка. Такие языковые реалии, как антиципация и реприза местоимений (*Marco, lo vedo*; *la vuoi, la pasta*), расколотая синтаксическая конструкция (*è così che ti piace?*), *c'è* в презентативной функции (*una ragazza ti vorrebbe parlare — c'è una ragazza che ti vorrebbe parlare*), предпочтение времени *passato prossimo* вместо *passato remoto* воспринимаются большинством носителей как вариант языковой нормы.

Делается вывод о том, что термин *neostandard* на современном этапе развития итальянского языка требует всестороннего переосмысления и уточнения.

Список литературы

Жолудева 2020 — *Жолудева Л. И.* К вопросу о понятии *italiano neostandard* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020, 2 (82). С. 499–506.

Berruto 2012 — *Berruto G.* Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo. 2nd ed. Roma: Carocci, 2012. 280 p.

Berruto 2016 — *Berruto G.* What is changing in Italian today? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: An overview // Towards a new standard: Theoretical and empirical studies on the restandardization of Italian / Eds. *M. Cerruti, C. Crocco, S. Marzo*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. P. 31–60.

D'Achille 2019 — *D'Achille P.* L'italiano contemporaneo. Bologna: Mulino, 2019. 279 p.

Sabatini 1985 — *Sabatini F.* L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane // Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart / Eds. *G. Holtus, E. Radtke*. Tübingen: Narr, 1985. P. 154–184.

Sobrero 2006 — *Sobrero A. A., Miglietta A.* Introduzione alla linguistica italiana. Roma — Bari: Editori Laterza, 2006. 263 p.

МАРКЕРЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ЛЕКСЕМЫ: КАК ОПРЕДЕЛЯТЬ И КЛАССИФИЦИРОВАТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ТЕКСТА ЛУНЬХЭН I В. Н. Э.)

Дурыманова Анастасия Дмитриевна
(РГГУ, Россия, Москва)

Несмотря на частые дискуссии по вопросу частей речи китайского языка [Zádrapa 2011; Sun 2020] в теории и на практике еще немало пробелов. Наиболее изученными периодами по данному вопросу можно считать период современного китайского и раннего классического китайского (V–III вв. до н. э.), объектом нашего исследования является менее изученный период — конец позднеклассического (II в. до н. э. — II в. н. э.) [Крюков, Хуан Шуин 1978].

Ввиду отсутствия словоизменительной и словообразовательной морфологии выделение частей речи посредством морфологического анализа невозможно. Жесткая структура предложения типа SVO делает синтаксический анализ едва ли не единственным способом определения частеречной принадлежности лексемы. Первым этапом подобного анализа может стать определение спектра маркеров синтаксической позиции для именных и глагольных лексем. Ими могут быть такие явные маркеры как рефлексив 自 *zì*, предшествующий глаголу, демонстратив 此 *cǐ*, предшествующий имени, или такие маркеры, как пока еще не грамматикализованный показатель пассива 被 *bèi*, местоимение третьего лица 之 *zhī*, омонимом которого является атрибутивный показатель 之 *zhī*, различаемый только в контексте.

При всей тривиальности задачи — составление перечня маркеров синтаксической позиции — критерии выбора подобных маркеров представляют отдельную исследовательскую задачу. В процессе выбора лексем, подходящих на роль маркера синтаксической позиции, следует учитывать исторические процессы грамматикализации, омонимию, процессы замещения и вытеснения одного знака другим и т. д.

Полученный перечень маркеров может помочь в создании автономного алгоритма на базе языка программирования Python (или любого другого языка, способного выполнить подобную задачу), дифференцирующего именные и глагольные лексемы. Однако проблема немаркированного употребления, где синтаксическая функция определяется в контексте и только после экспертного анализа, остается нерешенной.

Четко отобранные маркеры могут помочь получить картину зависимостей, где, например, именные лексемы в именной позиции активнее присоединяют маркеры именной позиции, чем глагольные лексемы, окказионально оказавшиеся в именной позиции. Данный факт может говорить о разном функционале именных и глагольных лексем несмотря на то, что и имена, и глаголы могут немаркировано менять свою категориальную принадлежность в зависимости от употребления в предложении.

Список литературы

Крюков, Хуан Шуин 1978 — *Крюков М. В., Хуан Шуин*. Древнекитайский язык. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 497 с.

Sun 2020 — *Sun L.* Flexibility in the Parts-of-Speech System of Classical Chinese. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. 334 p.

Zádrapa 2011 — *Zádrapa L.* Word-Class Flexibility in Classical Chinese. Leiden, 2011. 256 p.

ИНКОРПОРАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКАХ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ: К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ ФЕНОМЕНА[6]

Дьячков Вадим Викторович
(Институт языкознания РАН, Россия, Москва)

Инкорпорация прилагательных в языках Африки в последние годы является объектом повышенного внимания исследователей, см., к примеру, обзор [Creissels 2016]. Хотя это явление наблюдается не только в языках Африки (см. [Dahl 2004]), именно в этом ареале оно зафиксировано сразу в большом количестве семей (как минимум в ква, манде, догон и гур).

В данном докладе делается попытка обобщить известные на данный момент сведения об атрибутивной инкорпорации прилагательных и сделать первые шаги на пути к формальной типологии этого явления. Прежде всего, разграничиваются случаи, когда инкорпорация прилагательных является регулярным синтаксическим явлением, и случаи, когда регулярные комбинации «существительное + прилагательное» сами претерпевают морфологические и/или тонологические процессы, ведущие к идиоматизации. Именно случаи второго рода можно сблизить с известными случаями инкорпорации в европейских языках вроде *blackbird* ‘дрозд’. Пример такой инкорпорации (из языка томо-кан < догон) приведен в (1), где комбинация существительного и прилагательного претерпевает тоновое наложение, не характерное для обычных атрибутивных синтагм.

(1) ^{HL}[cɛ́rí pì]
слово белый
‘правда’

В других случаях инкорпорация наблюдается в атрибутивных синтагмах, и в некоторых языках (к примеру, в сонинке, см. [Creissels 2016]) существительное инкорпорируется в постпозитивный атрибут, выступая в такой же форме, в которой оно выступает в генитивной конструкции. Случаи такого рода встречаются и в некоторых языках гур, см. пример (2) из языка натиоро, где существительное выступает без своего классного показателя, который оформляет любое референтное существительное. Вопрос о том, является ли такая синтагма инкорпорацией из-за формальной идентичности с конструкциями в сонинке, нуждается в дополнительном обосновании.

(2) pú^{n} fɔ̄:
коза белый
‘белая коза’

В настоящем докладе представляется в первую очередь классификация наблюдаемых случаев атрибутивной инкорпорации по формальным и семантическим основаниям.

Список литературы

Creissels 2016 — *Creissels D.* Noun + adjective compounding and quasi-compounding in the languages of Sub-Saharan Africa // Syntax of the World’s Languages. 2016, 7. Available at: http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-attr.adj.incorp.pdf.

Dahl 2004 — *Dahl Ö.* The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity. Studies in Language Companion Series. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2004.

[6] Исследование поддержано грантом РНФ № 17-78-20071.

СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ КАК ПАРАМЕТР ИДЕНТИФИКАЦИИ ЖАНРА МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

Журавлева Анна Михайловна
(МГЛУ, Россия, Москва)

1) **Задачей** исследования является выявление зависимости между требованиями новостного жанра англоязычного медиа дискурса и средствами когезии (прономинальной референцией, субституцией, эллипсисом и др.), типом тема-рематической организации информации (гипертемой, постоянной темой и постоянной ремой, линейной темой и т. д.) а также средствами фокусации (активным залогом, экзистенциальным *there*, косвенным дополнением и др.). В качестве **метода** исследования использован контент-анализ, позволяющий выявлять числовые закономерности машинным и аналитическим способом на основе больших объемов данных (корпусов текстов). Рассматривается **материал** кратких новостных статей и т. н. бэкграундерз, имеющих тенденцию приобретать черты тематических статей: сформировано два корпуса текстов кратких новостных статей и бэкграундерз из англоязычных источников — BBC и Euronews.

2) Из лингвистической литературы известно, что многообразие новостных сообщений порождает жанры, на первый взгляд, слабо различающиеся по коммуникативно-прагматической доминанте — оперативном информировании читателя; тем не менее, они обладают разным набором признаков. Проведенное исследование позволяет сделать ряд существенных **выводов**.

3) В частности, в кратких новостных статьях, в силу их небольшого объема, способ подачи информации (тема-рематическая система) преимущественно ориентирован на гипертему. В бэкграундерз — срочных новостных статьях с элементами анализа — обзор события представлен при помощи системы линейных тема-рематических отношений. Средства когезии и фокусации, в свою очередь, подчинены этим стратегиям текстовой организации. Отсюда — различие приоритетного перлокутивного эффекта статей указанных жанров: расширение информированности с помощью краткого новостного сообщения, ориентированного на фактическое положение дел vs повышение компетентности адресата и эмоциональный отклик на прочитанное за счет языковой выверенности авторского комментария к событию, структурирования рассуждения в виде последовательности и включения в текст статьи элементов образного восприятия информации.

Так, в статье “EU Unveils First Post-Brexit Budget”, относящейся к жанру бэкграундерз, три последовательных предложения линейно «продвигают» новостное событие следующим способом: (T_1) *The European Union has unveiled* (R_1) *its first long-term budget* ***for the post-Brexit era*** *coming in* *at 1.279 trillion euros for the 2021 to 2027 period* (R1 — поддержка новостной фактуальности). ($R_{1\text{->}}T_2$) ***The departure of Britain*** (субституция *Brexit* + образность), *a net contributor, means* (R_2) *other member states will have* ***to pay more***. ($R_{2\text{->}}T_3$) ***To plug the gaps*** (субституция *to pay more* + образность) (R_3 –> фокусация на особенностях нового бюджета) *there’ll be cuts to agricultural subsidies, but also increased contributions to areas considered to be priorities — such as migration and defense.*

4) **Новизна** исследования состоит в выявлении языковых критериев более тонкого разграничения медиатекстов новостного жанра. Данная проблематика относится к вопросам грамматики текста и дискурса (когезии и когерентности), функциональной стилистики, лингводидактики и шире — к подготовке журналистов, политтехнологов, PR-специалистов.

МЕТРИКИ СПОНТАННОЙ РЕЧИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ ФУНКЦИЙ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С «МЯГКИМ КОГНИТИВНЫМ СНИЖЕНИЕМ»

Заболотская Алина Робертовна
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва),

Малютина Светлана Александровна
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва),

Лабенская Яна Амировна
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Анализ спонтанной речи широко используется в исследованиях, посвященных психолингвистическим предикторам «мягкого когнитивного снижения» и деменции у пожилых людей. Исследуется, какие метрики спонтанной речи способны предсказывать ухудшение когнитивных функций.

Среди многочисленных метрик в литературе некоторые оказались эффективнее для выявления «мягкого когнитивного снижения»: например, MLU — средняя длина высказывания и SR — скорость речи [Kemper 2001; Tóth et al. 2015]. Ряд метрик почти не исследован: например, MATTR — улучшенный вариант метрики TTR (отношение количества различных слов ко всем словоупотреблениям), не зависящий от длины текста как побочной переменной [Covington, McFall 2010].

Цель данной методологической работы — отобрать метрики спонтанной речи, которые смогут использоваться в исследовании различий между русскоязычными пожилыми людьми с «мягким когнитивным снижением» и без него. Валидация метрик проводилась на выборке из 54 пожилых людей, обратившихся в Клинику памяти с жалобами на когнитивные функции. Ниже представлена описательная статистика по метрикам MATTR, MLU и SR и попарные корреляции между ними.

	MATTR	MLU	SR
Среднее значение	0,95	10,12	105,26
Медиана	0,96	9,38	103,50
Стандартное отклонение	0,03	3,83	23,21
Минимум	0,84	3,50	69,00
Максимум	1,00	21,25	157,00

	Коэффициент Пирсона	p-value
MATTR-MLU	0,36	0,01
MLU-SR	-0,34	0,01
MATTR-SR	-0,94	0,00

Все метрики оказались чувствительны к индивидуальной вариативности и смогут использоваться для изучения межгрупповых различий. Наименее вариативна метрика MATTR, что может объясняться чрезмерной краткостью собранных образцов спонтанной речи. Отрицательные корреляции SR с MLU и MATTR могут объясняться тем, что участники жертвуют лексическим и синтаксическим разнообразием во благо скорости речи; далее будут проверены гипотезы о том, что «мягкое когнитивное снижение» может отражаться в снижении как SR, так и MLU/MATTR.

Список литературы

Kemper 2001 — *Kemper S., Sumner A.* The structure of verbal abilities in young and older adults // Psychology and aging. 2001, Т. 16, № 2. P. 312.

Tóth et al. 2015 — *Tóth L. et al.* Automatic detection of mild cognitive impairment from spontaneous speech using ASR // Sixteenth Annual Conference of the International Speech Communication Association. 2015.

Covington, McFall 2010 — *Covington M. A., McFall J. D.* Cutting the Gordian knot: The moving-average type-token ratio (MATTR) // Journal of quantitative linguistics. 2010. Т. 17, № 2. P. 94–100.

-MƏ̂LA В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОКАЗАТЕЛЬ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ И МАРКЕР АПОДОСИСА В УСЛОВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Закирова Айгуль Наилевна
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Доклад посвящен модальной форме на *-mə̂la* в горномарийском языке (уральские > финно-угорские > марийские). Данные были собраны в сс. Кузнецово и Микряково Горномарийского района Республики Марий Эл в 2016–2019 гг.

Форма на *-mə̂la* имеет деонтические употребления (1), а также более редкие употребления типа (2). Цель доклада — описать семантику второго типа употреблений.

(1) *mə-läm* *läk-mə̈lä* *olicä-š*
я-DAT.POSS.1SG выйти-DEB улица-ILL
‘Мне нужно выйти на улицу.’

(2) *tagačə̂* *ti* *lekärc-ə̈m* *jü-mə̈kə̈* *irgod-ə̂m*
сегодня этот лекарство-ACC пить-CVB.ANT завтрашний_день-ACC
tör-länə̈-mə̈lä
прямой-MAN-DEB
‘Если сегодня ты выпьешь это лекарство, то завтра выздоровеешь’.

Употребления типа (2) характеризуются семантикой условия: «Если P_1, то P_2-*mə̂la*». Однако это не обязательно формально условное предложение: например, в (3) протасис не выражен, но восстанавливается из контекста (‘если ты залезешь на дерево’). В ситуации, когда никакое событие P_1 восстановить нельзя (например, ребёнок уже залез на дерево), пример (3) неуместен.

(3) *kenvac-mə̂la*
упасть-DEB
‘Ты упадёшь’. {ребёнку, который собирается залезть на дерево}
#‘Ты упадёшь!’ {ребёнку, который уже залез на дерево}

Форма на *-mə̂la* в употреблениях второго типа может относиться только к участникам речевого акта, но не к третьим лицам, и ограничена неконтролируемыми предикатами.

Мы полагаем, что в горномарийском имеет место особое маркирование глагола в аподосисе условной конструкции, что типологически редко (ср. однако тунисский арабский [Kumakiri 2013]). Эта форма также имеет некоторые общие свойства с апрехенсивами, например, связь с ситуацией речевого акта и неконтролируемость [Lichtenberk 1995]. Отличия формы на *-mə̂la* от апрехенсива состоят в том, что она не описывает событие, которое уже готово произойти (сначала должно произойти опосредующее событие P_1), а также в том, что событие P_2 не обязательно должно быть нежелательным.

Список литературы

Kumakiri 2013 — *Kumakiri T.* Epistemic modality and conditional sentence: On the presentative particle of an Arabic dialect of Tunis (Tunisia) // 東京大学言語学論集. 2013, № 33. P. 155–173.

Lichtenberk 1995 — *Lichtenberk F.* Apprehensional epistemics // Modality in grammar and discourse. 1995. T. 32. P. 293–327.

«ОБРАТНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ» ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ)[7]

Захаркив Екатерина Васильевна
(Институт языкознания РАН, Россия, Москва)

Явление «обратной семантизации» дискурсивных слов (ДС) относится к контекстуально обусловленным видам изменений лексического значения, представленного десемантизацией. Если десемантизация представляет «утрату исходного конкретного смыслового содержания и приобретения нового, более абстрактного значения» [Heine 2003], то «обратная семантизация» подразумевает модификацию устойчивого выражения (в нашем случае — ДС), направленную на семантическую реконструкцию единиц, входящих в его состав.

ДС — это единицы, обеспечивающие связность текста и непосредственно отражающие процесс взаимодействия говорящего и слушающего и позицию говорящего по отношению к сообщению [Баранов, Плунгян, Рахилина 1997]. Важной чертой ДС является стереотипность, т. е. использование готовых формул и речевых клише [Земская 1979, 1988]. На основе стереотипности мы соотносим понятия «дефразеологизации» фразеологизмов [Мокиенко 1990, Шадрин 1973] и «обратной семантизации» ДС, с той разницей, что в случае последних денотация компонентов «опустошается» [Шаронов 2009], приобретая исключительно прагматическое значение, проявленное в функциональной реализации.

Релевантным для нашего исследования представляется обращение к поэтическому дискурсу. Это связано с тем, что в результате «возвращения» семантики компонентов ДС реализуется метаязыковая рефлексия, выраженная в поэтическом дискурсе, нацеленном на «деавтоматизацию» (термин В. Б. Шкловского) восприятия стереотипных единиц.

Методы исследования составляют описательный, лексикографический, лингвопрагматический анализ и метод компонентного анализа.

В докладе исследуется процесс обратной семантизации ДС на материале корпуса англо- и русскоязычных текстов (800 русскоязычных и 800 англоязычных текстов, датируемых периодом 1990–2020-х гг.) и выявляются основные разновидности экспериментальных модификаций в современном поэтическом дискурсе, таких как: 1) обратная семантизация с паронимической аттракцией (*Will it take our hands away* // ***On the other hand****. Do we have hands for the taking*); 2) контаминация ДС (***Вообще****, вообще — и,* ***в частности****, сейчас и здесь*; ***As far*** // ***So far)***; 3) фрагментация ДС (***A*** // ***swell*** *bunch*; *[говорила], мол* // *чанием своим*) и др.

[7] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

ON THE ISSUE OF THE ORIGIN OF THE SALISH SOMATIC LEXICAL SUFFIXES

Иконникова Ольга Николаевна
Olga Ikonnikova
(RSUE, Russia, Rostov-na-Donu)

Lexical suffixes (= LS) are derivational morphemes with a substantive meaning, one of the peculiar morphological features of the Salish language group. The somatic LS constitute a rather large class in the inventory of the LS.

There are different versions on the origin of the LS. According to the traditional salishists' version (Mithun M., Carlson B., Kinkade D., Gerdts D.) grammaticalization of substantive roots in compounds brought forth root-like LS. M. Wiltschko considers that the source of the LS is the incorporated noun (incorporated root).

But S. Bischoff points out that the process of incorporation and compounding is different from lexical suffixation. Unlike incorporation and compounding, the LS shows no signs of derivation (such as the presence of the nominalizer (NOM) *s-* or connective element (CONN) *-eł-*. He draws the following examples from Coeur d'Alene:

(1) Compounding:
q^{w}ey ***eł*** ***s-qey-m***
finish **CONN** **NOM**-write-MIDDLE
'He finished writing'.

In the example (1) we see CONN *-eł-* and NOM *s-* in compounding.

(2) Lexical affixation:
*q^{w}ey=**cn***
finish=mouth
'He finished eating'.

In the example (2) the LS *(=cn)* adjoins the root with no morphology.

Hence S. Bischoff contemplates on the possible diachronic path that the LSs would have been a category of morphemes not derived from nominal incorporation, but that exploited nominal incorporation to acquire new phonological material.

Analyzing Spokane forms comprising LS as bound stem compounds D. Black ascertains that a rule of compounding formation may have resulted from the reanalysis of biclausal sentences as monoclausal given that the Spokane compound marker *-ł-* represents a relic of the *ł* clausal subordinator in Salish Interior languages.

A. Kuipers argues that the form of sentences which comprise a main clause and a nominalized subordinate clause closely resembles the form of many compounds and consequently syntactic constructions may have been lexicalized resulting in the creation of free stem compounds as well as bound stem compounds (LS). The *-ł-* marker of Spokane can be viewed synchronically as a present-day lexical marker as well as a relic of a syntactic marker.

In our research we did morphological and etymological analysis of the somatic LS and stems in the dictionaries and sources on Salish languages. We have come to the following:

1) In many examples LSs are not cognate with their stem counterparts, on the contrary in some cases body-part stems are cognate with their stem counterparts as one of their constituents.

SQUAMISH, LILLOOET

cucin — 'mouth' / *c-* 'mouth, lip, edge, opening' (*cu* 'say, tell') and formative *-cin* — only in the word *cucin*.

Lillooet *s-k^{w}akst* — 'hand, arm' (*s-* NOM, *k^{w}am* / *k^{w}an* 'to take', *=akst-*= 'arm').

2) We come across some examples demonstrating that the LS adjoins the root with CONN or NOM., cf.:

NOTHERN STRAITS (SAANICH)

(3) **s**-x^{w}-ʔəp-**əl=qən**
NOM-LOC-stroke-**CONN**=**hair**
'comb'

Moreover, the CONN -*el* between a root and a LS is reconstructed to Proto Salish by A. Kuipers.

3) Some somatic LS have verbal origin:

SPOKANE

=*cin* — 'mouth, food, words, language' (*cn* 'hum, speak softly');

=*epł* — 'buttock' (*pł* 'thick').

So we are likely to agree with S. Newman that diachronically the source of the somatic LS were not nouns, but a special class of prototypical suffixal morphemes, on the one hand. On the other hand, the origin of LS may have been nominalized predicates.

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ГЕРУНДИВОВ В ДРЕВНЕМ ИНДОАРИЙСКОМ

Камаданова София Сергеевна
(ИСАА, МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва)

Объектом исследования данной работы являются герундивы (причастия долженствования) на *-ya-*, *-āyya-*, *-enya-*, *-(i)tva-*, *-(i)tavya-*, *-anīya-*.

Задачи исследования: прослеживание изменений в значимости и функционировании герундивов на разных этапах эволюции индоарийского; составление точного списка корней, от которых было возможно порождение герундивов в Ригведе и Атхарваведе.

В отношении древних индоарийских герундивов наиболее важными являются работы Т. Я. Елизаренковой, МакДонелла и Уильяма Уитни, внесших значительный вклад в раскрытие отдельных аспектов указанной проблематики. Однако историографический анализ также показал, что на данный момент не существует полного и непротиворечивого анализа функционирования индоарийских герундивов в плане диахронии, в свете чего наше исследование представляется актуальным. В рамках научной новизны особое внимание может быть привлечено к ранее не применявшимся методам исследования: данные, полученные в ходе работы с цифровым корпусом санскрита, подвергались систематизации и интерпретации при опоре на основные принципы автоматизированного дистрибутивно-статистического анализа текстов.

Материалом для работы явилась литература на ведийском и классическом санскрите.

Основные результаты исследования: В языке Ригведы определено 67 корней, допускающих порождение герундивов. Это множество корней на основании сочетаемости с аффиксами герундивов может быть расчленено на семь групп, подробно рассматриваемых в работе. Общее же число проанализированных манифестаций герундивных форм в Ригведе несколько превышало 750. Был также уточнен и пополнен список тех корней Атхарваведы, не представленных в Ригведе, от которых также были способны образовываться герундивы.

Полученные в ходе анализа результаты могут использоваться в теоретических работах, а также в преподавательской практике — в частности, соответствующие новые сведения могут быть включены в научную и учебную литературу по истории индоарийского.

Список литературы

Елизаренкова 1982 — *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.

Hock 1986 — *Hock H.* P-Oriented Constructions in Sanskrit. Delhi, 1986.

MacDonell 1916 — *MacDonell.* A Vedic Grammar for Students. Oxford, 1916.

Oberlies 2005 — *Oberlies T.* A Historical Grammar of Hindi. Graz, 2005.

Southworth 2005 — *Southworth F. C.* Linguistic archaeology of South Asia. London, 2005.

Speijer 1998 — *Speijer J. S.* Sanskrit Syntax. Delhi, 1998.

Whitney 1879 — *Whitney.* A Sanskrit grammar, including both the classical language, and the older dialects of veda and brahmana. Leipzig, 1879.

ON THE SEMANTICS OF BOULETIC MODALITY IN BULGARIAN

Sercan Karakaş
(Boğaziçi University, Turkey, Istanbul)

This paper aims at analyzing so-called Involuntary State Constructions in Bulgarian to explain the desiderative meaning of such constructions with the absence of clear morphological marking as illustrated below.

[Rivero 2009: 152]

Na	*decata*	*im*	*se*	*raboteše.*
P	children.the	3Pl.Dat	Refl	work.Imp.3Sg

'The children {were in a working mood / felt like working}'.

To begin with a literature review, I partly disagree with the ideas of Rivero [Rivero 2009] who claims that these constructions acquire desiderative meaning based on two ingredients, i. e. hyperintensional applicative that scopes over Tense and Aspect in the structure and an imperfective operator, the latter being in parallel to Copley's analysis [Copley 2002] of English futurates. In this paper, however, I claim that imperfective operator cannot bring this bouletic modality because these constructions can be used in periphrastic perfect. I agree with Rivero [Rivero 2009] that applicative is responsible for this bouletic meaning but unlike Rivero I assume not high applicatives but higher applicatives bring up desiderative meaning following recent works by Öztürk [Öztürk 2013] and Tsai [Tsai 2018].

After establishing that the earlier works on Involuntary State Constructions may not be sufficient in accounting for the data, I begin my investigation by showing that the desiderative meaning is not a presupposition but part of assertion because the truth condition is affected under the sentential negation. In addition to that, Involuntary State Constructions are intensional as assertions including non-existing elements such as a unicorn in these constructions can be true. Furthermore, I treat ApplHigher0 as the source of this Intensionality, without which the sentence is extensional. Finally, as it is an observed fact that intensional contexts can bring ambiguities between de re and de dicto readings of indefinite DPs due to intensional operator, I show that this is the case in involuntary state constructions as they are ambiguous between de re and de dicto readings, which is another support for the intensional context.

Bibliography

Copley 2002 — *Copley B.* The Semantics of the Future. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology, 2002.

Öztürk 2013 — *Öztürk B.* Low, high and higher applicatives // Information Structure and Agreement. 2013. P. 197–275.

Rivero 2009 — *Rivero M. L.* Intensionality, high applicatives, and aspect: Involuntary state constructions in Bulgarian and Slovenian // Natural Language & Linguistic Theory. 2009, 27 (1). P. 151–196.

Tsai 2018 — *Tsai W. T. D.* High applicatives are not high enough: A cartographic solution // Lingua Sinica. 2018, 4 (1), 2.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В СЛОВАХ РАЗНОГО ТИПА В ЯЗЫКЕ БАМАНА

Карпова Елена Юрьевна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

Стопа в языке бамана — это ритмическая односторонняя единица, состоящая из одного или двух слогов. В бамана морфемные границы имеют приоритет над границами стоп. Другими словами, стопа может быть равна морфеме или быть меньше ее, но не может включать более одной морфемы.

Стопы бывают односложными (CV, редко V) и двусложными (CVCV). Двусложные стопы бывают трех типов:

— CVCV (нейтральные: первый гласный короткий, но не подвержен сокращению);

— CVCV (легкие (или ямбические): гласный начального слога может быть сильно сокращен или не произнесен совсем);

— CV:CV (тяжелые (или хореические): первый гласный долгий) [Выдрин 2017].

На первый взгляд, может показаться, что тяжелая стопа отличается от двух других типов, если исходить из того факта, что долгота гласного в начальном слоге стопы является фонологически значимой. Но на деле оказывается, что долгота гласных не очень стабильна и может варьироваться от говорящего к говорящему.

Целью исследования было проверить, насколько устойчива долгота, много ли будет слов, в которых долгий гласный реализуется как краткий и можно ли найти какую-то обусловленность стабильности или нестабильности долгих гласных.

Нами был составлен список слов с долгими гласными (всего 210 слов), и затем была записана аудиоанкета от уроженца и жителя Бамако. В силу того, что некоторые слова были неизвестны информанту, а некоторые были практически неразличимы из-за качества записанного аудиофайла, в анализируемый список вошли 185 слов разных типов: двусложных, трехсложных и четырехсложных, преимущественно существительных и глаголов.

Все слова были сегментированы в программе для аудиоанализа Praat. Каждое слово было произнесено информантом три раза в изоляции, а затем три раза в составе короткой фразы. Из этой фразы были взяты слова для анализа (3 произнесения для каждого слова).

После разметки был применен скрипт, при помощи которого были извлечены цифровые значения длительности гласных в интересующих нас словах. Затем все слова были разбиты на группы в зависимости от состава слова и проанализированы.

Результаты эксперимента являются предварительными, однако некоторые промежуточные выводы можно сделать:

1) Основываясь на результатах данного и предыдущих исследований, можно сказать о том, что носители языка все-таки имеют тенденцию к сохранению долготы гласного при произношении в двусложных словах типа CV:CV. По крайней мере, для некоторых слов это кажется неоспоримым. Однако в некоторых других словах долгий V1 оказывается менее стабильным. Причины этого еще предстоит выяснить в дальнейшем исследовании, для которого планируется задействовать большее количество информантов.

2) В трехсложных словах типа (CV:)(CVCV) статус долгого V1 остается неясным и также требует дополнительного исследования. В словах подобного типа была выявлена тенденция V2 к выпадению или редукции, но в дальнейшем стоит проверить насколько эта тенденция будет сохраняться у разных информантов. В словах типа (CV:CV)(CV) долгота первого гласного тяжелой стопы не сохраняется.

3) В четырехсложных словах типа (CV:CV)(CV:CV) и в первой, и во второй стопе первый гласный реализуется как краткий.

4) Интересное явление было обнаружено в словах с носовыми гласными типа CV:nCV. Слог CV:n по своей сути оказывается сверхтяжелым. Его изучение бесспорно требует более подробного дальнейшего изучения с привлечением дополнительной литературы по слоговому весу.

Подводя итог, можно сказать, что на некоторые особенности реализации долгих гласных в тяжелых стопах в языке бамана удалось пролить свет, тем не менее окончательные выводы делать еще рано, т. к. исследование требует продолжения.

Список литературы

Выдрин 2017 — *Выдрин В. Ф.* Бамана язык // Языки мира: Языки манде / Отв. ред. *В. Ф. Выдрин, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Е. Б. Маркус*. М.: Институт языкознания РАН — СПб.: Нестор-История, 2017. С. 46–143.

Vydrin 2019 — *Vydrin, Valentin*. Cours de Grammaire Bambara. Presses de l'Inalco, 2019.

Vydrin 2020 — *Vydrin, Valentin*. Vowel elision and reduction in Bambara // Italian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 32, No. 1. P. 101–122.

СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ ДВИЖЕНИЯ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Клименок Ксения Сергеевна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

В докладе будут представлены результаты корпусного исследования стратегий, которые используются для выражения различных компонентов ситуации движения в современном албанском языке. Анализируется сочетаемость глаголов с различными типами лексикализации компонентов движения в корне (англ. lexicalization patterns) и предложных групп, способных указывать на эти компоненты («сателлитов», англ. satellites, в терминологии типолога Л. Талми [Talmy 1975]). На албанском материале данная тема ранее не освещалась подробно; единственной известной нам попыткой наблюдения над глаголами албанского языка с точки зрения их семантики и сочетаемости является статья А. В. Жугры [Жугра 1979].

Исследование выполнено на базе Албанского национального корпуса (АНК). Изучаются конструкции с глаголами, выражающими только идею движения (например, *shkoj* ‘ходить’, *lëviz* ‘двигаться’) и указывающими также на другие компоненты ситуации движения (например, *vrapoj* ‘бежать’, *nxjerr* ‘вынимать’, *largohem* ‘удаляться’ и др.). Используя количественные методы исследования, мы определяем соотношение разных типов лексикализации, представленных в албанском языке, и выявляем наиболее частотные стратегии выражения компонентов движения для выбранных глаголов и их сателлитов.

Как будет показано в докладе, в типологии Л. Талми, где «самым диагностически значимым компонентом с типологической точки зрения является путь» [Talmy 2007: 153], албанский представляет собой язык «сателлитного» типа. Однако выражение пути (path) в сателлитах не является для него единственно возможной стратегией кодирования. Поэтому в нашем исследовании предпринимается попытка, применяя подход Д. Слобина [Slobin 2004], определить место албанского языка на «шкале значимости способа движения» (англ. cline of manner salience) с крайними полюсами в виде языков, сильно и слабо ориентированных на эксплицитное выражение способа (manner), а также изучить особенности кодирования других компонентов ситуации движения, в частности причины (cause).

Список литературы и источников

АНК — *Морозова М. С., Русаков А. Ю., Архангельский Т. А.* Албанский национальный корпус (электронный ресурс) // URL: http://albanian.web-corpora.net (дата обращения: 28.12.2020).

Жугра 1979 — *Жугра А. В.* О сочетаемости глаголов движения в албанском языке // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала / Отв. ред. *Десницкая А. В.* СПб.: Наука, 1979. С. 267–289.

Slobin 2004 — *Slobin D.* The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // Relating events in narrative. Vol. 2. Typological and contextual perspectives / Eds. *Strömqvist S., Verhoeven L.* Mahwah: Lawrence Erlbaum Associate, 2004. P. 219–257.

Talmy 1975 — *Talmy L.* How language structures space // Spatial orientation. Theory, Research, and Application / Eds. *Pick H. L., Acredolo L. P.* Boston, MA: Springer, 1975. P. 225–282.

Talmy 2007 — *Talmy L.* Lexical typologies // Language Typology and Syntactic Description / Ed. *Shopen T.* New York: Cambridge University Press, 2007. P. 66–167.

<P — N_1 ОТДЫХАЕТ> КАК ОЦЕНОЧНАЯ КОНСТРУКЦИЯ РУССКОЙ РЕЧИ

Колосовская Татьяна Леонидовна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

Устная речь, способная порождать новое в языке, подвергается в современной лингвистике пристальному вниманию, и часто объектом такого внимания становятся устойчивые конструкции, типичные для повседневной коммуникации. Одной из таких конструкций является <P — N_1 отдыхает> (*дайвинг в Омане один из лучших в мире, Красное море отдыхает*), где P — это предмет, признак или обстоятельство, стоящие во главе сравнения (первый объект сравнения), а N_1 — компонент, с которым сравнивают P (второй объект сравнения). Данная конструкция является оценочной (ОК) и предполагает, что P и N_1 в чем-то превосходят друг друга.

Исследовательской задачей в работе является описание языкового воплощения компонентов ОК с точки зрения функциональной грамматики.

Основные **методы** исследования: *описательный* (выявление и анализ ОК данного типа: синтаксическая сочетаемость и семантика языковых единиц в составе конструкции, выявление ее структурных вариантов) и *квантитативный* (установление частотности ОК в речи).

По мнению Н. Д. Арутюновой, «оценка задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности» [Арутюнова 1984: 5]. Основными факторами ОК считаются субъект оценки, объект оценки и оценочное отношение по шкале «хороший / плохой» [Ван Илин 2020: 15]. Рассматриваемые в работе единицы представляют собой конструкции как «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19].

Исследование построено на выборке примеров из устного подкорпуса НКРЯ, а также ГИКРЯ, который включает в себя блоги Mail.ru, ВКонтакте, Живой Журнал, Журнальный зал и новостной подкорпус. Всего был выявлен 841 документ с формами *отдыхает* / *отдыхают*, из которых 92 контекста (11 %) представляют искомую конструкцию. Анализ показал, что специфика данной ОК заключается в наличии не одного, а двух объектов сравнения, между которыми устанавливаются сопоставительные отношения «хуже / лучше», зависящие от того, с позиции какого из объектов дается оценка. Субъект сравнения при этом может быть как эксплицитным (***успеть помыться, одеться, покушать и посуду помыть*** *... — армия и пожарные отдыхают в сравнении с молодой мамой*), так и имплицитным (***Китайский боевик*** *— индийское кино отдыхает*).

Список литературы

Арутюнова 1984 — *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики: сб. статей / Ред. *В. П. Григорьев*. М.: Наука, 1984. С. 5–24.

Ван Илин 2020 — *Ван Илин*. Конструкции в системе способов выражения оценки в современном русском литературном языке (на фоне китайского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 334 с.

Рахилина, Кузнецова 2010 — *Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л.* Конструкции в Грамматике конструкций // Лингвистика конструкций / Отв. ред. *Е. В. Рахилина*. М.: Азбуковник, 2010. С. 19–24.

НАСКОЛЬКО И КОГДА НАДЕЖНО ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО ЯЗЫКОВ?

Коровина Евгения Владимировна
(Институт языкознания РАН, Россия, Москва)

Одной из основных задач сравнительно-исторического языкознания является вопрос об установлении языковой классификации. Сейчас одним из популярных методов такой классификации служит тем или иным образом построенное дерево, построенное при помощи статистической интерпретации данных относительно коротких списков. При этом, как было отмечено многократно, конфигурация полученного дерева до некоторой степени зависит от используемой для его построения модели. Также дерево может видоизменяться и при добавлении новых языков / диалектов.

В докладе на примере анализа списков базисной лексики языков семьи майя будет показано, насколько реальный языковой материал подвергается подобного рода перестройке в зависимости от используемых методов. Так, хотя основные ветви этой семьи (юкатекская, киче, мам и др.) сохраняются при любом из применяемых методов, их конфигурация между собой и внутренняя структура ветвей претерпевают разнообразные изменения.

С теоретической точки зрения, как будет показано в ходе доклада при помощи математического моделирования, это мотивируется тем, что в случае, если между соседними узлами дерева имеется лишь небольшая (в среднем менее 3 слов) разница, то эти узлы дерева в ряде случаев являются неустойчивыми. Такими небольшими величинами характеризуются прежде всего, во-первых, близкородственные языки и диалекты, а во-вторых, случаи последовательного распада праязыка на отдельные подгруппы. Представляется, что в этих случаях из-за большой вероятности ошибки пользование лексикостатистикой затруднительно.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПУЛАР

Косогорова Мария Александровна
(МГУ им. М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН, Россия, Москва)

Доклад посвящен обзору орфографических систем, использующихся для записи современного идиома пулар. Пулар — это часть макроязыка фула (атлантические < Нигер-Конго), распространенная на территории современной Гвинеи. Он является одним из крупнейших идиомов фула, но одним из наиболее отдалившихся от макроязыка со структурной и лексической точки зрения. По мере отдаления от макроязыка возрастают контактные явления в фула, и орфографические системы также подвержены контактному влиянию соседних языков, в первую очередь языков манде.

Первой системой орфографии, которую начал использовать пулар, была система на основе арабской графики, называемая аджами. Аджами использовался повсеместно — на всем пространстве фула — до начала XX в., т. е. до полного установления колониального господства.

С увеличением влияния Франции пулар постепенно перешел на орфографическую систему на основе латиницы. В 1960 г. на конференции ЮНЕСКО в Бамако был утвержден стандарт орфографии для языка фула на основе латиницы (а точнее — МФА), который дорабатывался на конференции 1977 г., а затем самостийно изменялся со временем.

Однако и аджами, и существующие латинские системы письма имеют ряд недостатков, критичных для кодировки языка фула, поэтому поиски идеальной письменности продолжались, и в 1980 г. в Гвинее был изобретен алфавит адлам, учитывающий часть фонетических особенностей языка. Он, впрочем, не получил повсеместного распространения.

Также были попытки адаптировать для пулар алфавит ближайших соседей, языков манде, — письменность нко. Впрочем, это также не имело особого успеха, хотя нельзя не отметить усилий по его адаптации.

В докладе будут представлены перечисленные системы письма и их достоинства и недостатки при передаче фонологических особенностей идиома пулар. В частности, будет описан баланс между культурно-историческими факторами и точностью передачи фонологической системы фула, в результате которого аджами все еще активно используется в современном гвинейском обществе. Несовпадение вокалической и консонантной систем арабского и пулар потребовало доработки аджами для пулар; аналогичный процесс наблюдается как в других идиомах фула [Humery 2014], так и в соседних языках Западной Африки [Vydrine 1998; Cissé 2006; Bao Diop 2007; McLaughlin 2017], однако для пулар он описан впервые.

Системы письма на основе латиницы, в особенности на основе МФА, а не более ранние, способны наиболее точно передать фонологические особенности пулар, однако культурно-историческая перспектива латинских систем письменности не вполне комфортна для носителей и побуждает их либо переходить на французский язык, либо искать другие способы записи информации. Такой поиск обусловил появление письменности адлам. Согласно исследованию, адлам сопоставим с латиницей по точности передачи фонологической системы, однако, в отличие от латиницы, он испытывает технические трудности при распространении, аналогичные трудностям, которые испытывает письменность нко для языков манде. Анализ соответствия фонологический системы пулар и возможностей ее воплощения с помощью системы адлам ранее также не проводился.

Результатом исследования стало сопоставление систем письменности с точки зрения эффективности кодирования фонологических особенностей с помощью существующих опубликованных текстов пулар. Отдельно рассмотрены культурно-

исторический фон и технические особенности каждой из систем, поскольку они могут как способствовать, так и мешать распространению системы письменности для конкретного идиома.

Список литературы

Bao Diop 2007 — *Bao Diop, Sokhna*. Étude comparative entre les phonèmes wolof et leurs enregistrements écrits dans deux alphabets: Latin et Arabe. Aix: Université de Provence. Mémoire de Master, II. 2007.

Cissé 2006 — *Cissé, Mamadou*. Ecrits et écriture en Afrique de l'Ouest // Sudlangues. 2006, 6. P. 63–88.

Humery 2014 — *Humery, Marie-Ève*. Fula and the ajami writing system in the Haalpulaar society of Fuuta Tooro (Senegal and Mauritania): A specific ‘restricted literacy’ // The Arabic Script in Africa / Eds. *Mumin* & *Versteegh*. 2014. P. 173–198.

McLaughlin 2017 — *McLaughlin, Fiona*. Ajami Writing Practices in Atlantic-Speaking Africa // The Atlantic Languages / Ed. *Friederike Lupke*. Oxford: Oxford University Press, 2017. https://people.clas.ufl.edu/fmcl/files/AjamiCIRCRED.pdf.

Vydrine 1998 — *Vydrine, Valentin*. Sur l’écriture mandingue et mandé en caractères arabes (mandinka, bambara, soussou, mogofin) // Mandenkan. 1998, 33. P. 1–87.

СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ В КОРПУСЕ ЯЗЫКОВ ГРУППЫ КОРАПУТСКИХ МУНДА

Крылова Анастасия Сергеевна
(Институт востоковедения РАН, Россия, Москва),

Ренковская Евгения Алексеевна
(Институт языкознания РАН, Россия, Москва)

Доклад посвящен созданному авторами электронному корпусу текстов на языках группы корапутских мунда (сора, гутоб, бонда), который был размещен в сети Интернет в апреле 2020 г. Корапутские мунда распространены в Индии на границе штатов Орисса и Андхра-Прадеш и все в той или иной мере находятся под угрозой исчезновения.

Тексты на этих языках были собраны в ходе трех экспедиций в штат Орисса (Индия) в 2016–2018 гг. Носители корапутских мунда проживают некомпактно, отдельными общинами, различающимися вероисповеданием, историческим родом занятий, диалектами, а также штатом проживания и, соответственно, влиянием разных официальных языков штатов на родной язык. Так, например, среди народности сора выделяются баптистская, католическая, анимистская и неоиндуистская религиозные общины, а также община автохтонного культа Матар Баном. Для языка сора существуют четыре вида письменности с разной степенью стандартизации. По этим причинам одна из основных задач корпуса — представить в своем составе тексты различных жанров и разных сфер бытования языков.

На данный момент в корпус вошли устные и письменные тексты, поэтические и прозаические, религиозного, фольклорного и бытового содержания. Особый интерес уделяется песням-импровизациям — автохтонному жанру мунда. Устные тексты представлены как в фонологической записи, так и в аудио- и видеофиксации. Подкорпус письменных текстов, представленных в различных графических записях, содержит как тексты, относящиеся к определенному письменному жанру и написанные информантами (например, брачное письмо в общине сора-баптистов), так и образцы печатной продукции (религиозной, учебной, просветительской). Тексты снабжены морфологической разметкой и переводом на русский и английский языки. Каждый текст сопровождается подробной социолингвистической и жанрово-специфической информацией.

Данный проект представляет собой первый электронный корпус языков мунда на сегодняшний день и призван не только сделать языковые материалы корапутских мунда доступными для мировой науки, но и быть полезным для преподавания, языкового строительства и сохранения культурного наследия в регионе распространения, в частности в рамках государственной программы Индии Multi-Language Education (MLE), подразумевающей преподавание на родном языке для младших классов школы.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕЧИ ВАЛЬДОСТАНСКИХ ФРАНКОФОНОВ: ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЯ?

Курбанова-Ильютко Камилла Искандеровна
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва)

Французский язык в Валь д'Аосте (Валле д'Аоста) является одним из наименее изученных региональных вариантов французского языка, позиционируемый в литературе как дополнительный язык вальдостанцев, официальность которого обусловлена рядом исторических, политических и лингвокультурологических причин. Доминирующим для вальдостанцев признается итальянский язык, которым владеет абсолютное большинство жителей и который, как и французский, наделен официальным статусом. Функционально менее развитым по сравнению с итальянским и французским в Валь д'Аосте является франкопровансальский, используемый преимущественно в сфере устного бытового общения; в связи с ограниченным количеством его носителей данный идиом можно определить как миноритарный в условиях вальдостанского многоязычия[8].

Активные языковые контакты порождают различные интерферентные процессы в вышеупомянутых языках, тем не менее, целью нашего исследования является определение природы иноязычных элементов / конструкций в речи вальдостанских франкофонов. Как уже было доказано ранее[9], одной из характерных черт вальдостанского варианта французского языка является целый пласт итальянизмов и заимствований из франкопровансальского языка. Однако в рамках данного доклада нас интересуют не устоявшиеся заимствования[10] и кальки, характеризующиеся относительной регулярностью употребления и большей или меньшей степенью ассимиляции, а несистемные, окказиональные вкрапления, свойственные франкоязычным носителям Валь д'Аосты.

Материалом исследования послужили аудиозаписи спонтанной речи вальдостанских франкофонов, сделанные автором в ходе серии ежегодных командировок в г. Аоста с 2015 по 2020 гг. В анализируемый корпус вошли монологические и диалогические тексты (жизнеописания или рассказы о конкретных событиях) более 20 информантов. Методом сплошной выборки нами был составлен список иноязычных лексем и устойчивых выражений, морфосинтаксических конструкций, нетипичных для французского языка.

В результате анализа полученных данных были сделаны выводы о происхождении иноязычного материала, о характере и частотности его употребления, а также о лингвистической природе данного явления: в связи с отсутствием полного перехода с французского языка на другой язык и сохранением общей грамматической

---

[8] О количественном и функциональном распределении итальянского / французского / франкопровансальского языков см. результаты опроса Фонда им. Э. Шану 2001–2002 гг. URL: https://www.fondchanoux.org/sondage-linguistique/ (accessed: 31.01.2021). Более свежие данные о носителях итальянского и французского языков представлены в докладе Итальянского института статистики 2015 г., количественных показателей отдельно по носителям франкопровансальского языка не приводится. См.: ISTAT — L'Uso della lingua italiana, dei dialetti e delle lingue straniere, anno 2015. URL: https://www.istat.it/it/files//2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015.pdf (accessed: 01.11.2020).

[9] *Kurbanova K.* Particularités lexicales du français en Vallée d'Aoste // Éducation et sociétés plurilingues. 2017, № 4. P. 49–60.

[10] Проблема разграничения заимствований и переключений кодов имеет различные интерпретации, см., например: *Poplack S.* Code-Switching (Linguistic) // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / Dir. by *N. Smelser, P. Baltes*. Amsterdam: Elsevier, 2001. P. 2062–2065.

Pfaff C. Constraints on Language Mixing: Intrasentential Code-Switching and Borrowing in Spanish / English // Language. 1979. Vol. 55. № 2. P. 291–318.

Sankoff G. Linguistic Outcomes of Language Contact // Handbook of Sociolinguistics / Dir. by *P. Trudgill, J. Chambers* & *N. Schilling-Estes*. Oxford: Basil Blackwell, 2001. P. 638–668.

структуры французского языка, зафиксированные нами вставки следует считать не переключением, а немотивированным смешением кодов[11] (французского и итальянского / французского и франкопровансальского).

[11] О теоретических основах переключения / смешения кодов см.: *Alby S.* Alternances et mélanges codiques // Sociolinguistique du contact. Dictionnaire des termes et concepts / Dir. by *J. Simonin, S. Wharton*. Lyon: ENS ÉDITIONS, 2013. P. 43–70.

РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧАХ ЭВЫ ПЕРОН

Кушнерева Дарья Андреевна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

Доклад посвящен исследованию манипулятивного потенциала религиозной метафоры в политических речах Эвы Перон, супруги президента Хуана Перона, первой леди Аргентины, удостоенной в 1952 г. народного звания «Духовный лидер нации». Ораторское мастерство выделяет Эву Перон даже среди современных латиноамериканских политиков. Политический и религиозный дискурс чрезвычайно манипулятивны по своей природе, их основной целью является воздействие на массовую аудиторию, на формирование общественного мнения, влияние на сознание адресата и воспитание определенной личности, поэтому в своих речах политики довольно часто прибегают к религиозным образам.

Материалом данного исследования послужили речи Э. Перон, произнесенные ею в период с 1946 по 1952 гг., всего было рассмотрено и проанализировано 28 речей.

По итогам исследования был сделан вывод о том, что религиозная метафора в политических речах Э. Перон выполняет следующие функции.

1) Подтверждение легитимности действий правительства, демонстрация правильности выбора курса для страны: перонизм ведется божественным провидением (*os fijó la Divina Providencia*), путеводным светом (*la luz guiadora*); следовать по пути перонизма значит идти по пути Бога (*estamos en el camino de Dios*) и т. д.

2) Создание «мифов» вокруг фигуры Х. Перона, попытка возложить провиденциальную миссию: Хуан Перон как избранник Бога (*los rumbos que señaló el elegido*); Эва Перон — сопровождающий его апостол (*el apostolado de acompañar el general Perón*); сравнение идеалов Перона с Вифлеемской звездой (*Los ideales de nuestro presidente tan puros y brillantes como este lucero*) и т. д.

3) Представление Аргентины как страны, благословенной Богом: благословенная земля (*la tierra dichosa*); земля обетованная (*la prometida tierra*).

Также в докладе анализируются особенности реализации тактики кооперации [Копнина 2007] в речах Эвы Перон посредством использования религиозных образов: объединение политических лидеров и народа страны, равно как объединение против общего врага — оппозиции (сопоставление образа трудящихся Аргентины — с плотником из Иудеи; представление оппозиции как «лжеапостолов» и т. д.).

В ходе исследования были использованы следующие методы: наблюдения и описания; методы семантического, контекстуального и стилистического анализа; метод количественного и качественного анализа результатов исследования.

Список литературы

Копнина 2007 — *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Флинта — Наука, 2007. 170 с.

Милетова 2018 — *Милетова Е. В.* Интердискурсивные особенности религиозной коммуникации (на материале английского языка). Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 25–26 октября 2018 г.) / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: *О. И. Уланович* (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2018. С. 33–36.

Супрун 1996 — *Супрун А. Е.* Лекции по теории речевой деятельности. Минск: Белорусский фонд Сороса, 1996. 288 с.

Таратынова 2011 — *Таратынова Т. В.* Метафора религии в нарративе выборов президента США–2008 (на примере немецких СМИ) // Политическая лингвистика. Вып. 4 (38). Екатеринбург, 2011. С. 157–161.

Чудинов 2001 — *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Camuffo Marta Ángela y Lasso Rubén. La construcción de un líder: Eva Perón y el sufragio femenino. XII Jornadas de Investigación y Primer Encuentro de Investigadores en Psicología del Mercosur. Facultad de Psicología — Universidad de Buenos Aires, Buenos Aires. P. 37–40.

Guan Yixin y Morató Javier del Rey. Los juegos de lenguaje de Perón. Un enfoque conceptual sobre el populismo latinoamericano. Más Poder Local. Número 32. Julio 2017. P. 52–61.

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК МАРКЕР ЭГОЦЕНТРИЗМА ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Б. АКУНИНА «ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ»)

Лошанина Мария Николаевна
(ИГУ, Россия, Иркутск)

Решение проблем, связанных с аспектом «человек в языке», привело к появлению и развитию теорий эгоцентризма языка. В данном исследовании мы вслед за Ю. С. Степановым будем понимать под эгоцентризмом «отношение языка к говорящему», которое основано на «присвоении себе языка в момент — и на момент — речи» [Степанов 1985: 223]. Говорящий обнаруживает себя в тексте благодаря особым маркерам, которые Е. В. Падучева определяет как **эгоцентрические элементы** [Падучева 1996].

Е. В. Падучева не выделяет *вставные конструкции*, которые являются предметом нашего исследования, в качестве эгоцентриков, однако они, как представляется, также являются показателями субъективной модальности. В данной работе мы опираемся на определение **вставных конструкций**, предложенное Г. Н. Акимовой [Акимова 1990: 59]. Все проанализированные нами контексты мы разбили на три группы.

I группа — контексты, в которых вставная конструкция маркирует речь того же субъекта (повествователя / персонажа), которому принадлежит и основное предложение.

(1) *В первую неделю внесло всего десять человек (из них девять подставных, самим же Момусом нанятых)* [Акунин 2016: 31].

II группа — контексты, в которых вставная конструкция маркирует речь субъекта, которому не принадлежит основное предложение.

(2) *Момус скушал сандвич с бужениной (ну его, Пост Великий), отпил из крышечки «шустовского», а там по аллее и еропкинские сани подкатили* [Акунин 2016: 117].

III группа — контексты, в которых трудно определить, чью речь маркирует вставная конструкция. Е. В. Падучева считает, что такая «неоднозначность атрибуции голоса» является особой целью автора, и рассматривает ее как особый авторский прием.

(3) *Анисий захлопал глазами, и шеф счел нужным добавить (только яснее от этого не стало)* [Акунин 2016: 78].

В контексте (3) вставная конструкция может маркировать как речь повествователя, который с помощью вставки дополняет содержание основного предложения, так и СКД персонажа Анисия, который тем самым передает свои ощущения от беседы с Фандориным.

Анализ повести Б. Акунина «Пиковый валет» показал, что можно рассматривать вставные конструкции как особый прием игры автора с читателем, состоящий в зашифровке наблюдателя, с чьей точки зрения комментируется ситуация во вставке. На основании этой текстовой функции вставок следует включить их в ряд эгоцентрических элементов.

Список литературы

Акимова 1990 — *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1990. 158 с.

Акунин 2016 — *Акунин Б.* Особые поручения: роман [худож. И. Сакуров]. М.: «Захаров», 2016. 336 с.

Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Степанов 1985 — *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ МАНИФЕСТАЦИИ ТАТАРСКОЙ И ФРАНКО-КАНАДСКОЙ БИЛИНГВАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАДИСКУРСА)

Мордвинова Альбина Ришатовна
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань)

Исследовательская задача — выявление изоморфных и алломорфных характеристик языковой манифестации (языковых особенностей дискурса) татарской и франко-канадской билингвальных языковых личностей (БЯЛ) на материале медиадискурса.

Материалом исследования послужили 600 статей из газет Республики Татарстан и канадских провинций Квебек и Нью-Брансуик и 600 постов с комментариями к ним из татарского и франко-канадского сообществ в Facebook и Вконтакте; были применены такие методы как структурно-семантический, компонентный и сопоставительный квантитативный анализ, классификация.

В результате исследования выявлены изоморфные характеристики языковой манифестации билингвальных языковых личностей в татарском и франко-канадском медиадискурсе:

1) лексическая манифестация больше характерна для татарских билингвальных языковых личностей (количество выявленных случаев и их соотношение на количество знаков);

2) в традиционном медиадискурсе основной «источник» русизмов и англицизмов (не терминологический аппарат) — прямая речь, практикуется их выделение курсивом или кавычками; для интернет-дискурса свойственны смешения и переключения кодов, включаются преимущественно имена существительные и обсценная лексика контактирующего языка;

3) основной путь семантической манифестации билингвальных языковых личностей — расширение значения слова по аналогии со словом контактирующего языка;

4) в традиционном медиадискурсе фразеологическая манифестация билингвальных языковых личностей выражается в калькировании фразеологических единиц контактирующего языка; в интернет-дискурсе — в приведении фразеологических единиц контактирующего языка, использовании устойчивых интернет-выражений контактирующего языка;

5) синтаксическая манифестация билингвальных языковых личностей в татарском и франко-канадском медиадискурсе выражается в калькировании синтаксической структуры предложения контактирующего языка.

Алломорфные характеристики языковой манифестации билингвальных языковых личностей в татарском и франко-канадском медиадискурсе:

1) случаи морфологической манифестации татарских билингвальных языковых личностей немногочисленны, представлены только в интернет-дискурсе (добавление уменьшительно-ласкательных суффиксов русского языка к именам существительным татарского языка, *-ский* к именам прилагательным и причастиям татарского языка), в дискурсе франко-канадских БЯЛ она закономерна (определенный суффикс французского языка может быть заменен определенным суффиксом английского языка) и может быть выражена и в традиционном медиадискурсе, и в интернет-дискурсе;

2) в татарском традиционном медиадискурсе много русизмов в силу недоразработанности татарского терминологического аппарата, во франко-канадском англицизмы-термины чаще всего имеют французские аналоги;

3) в татарском и нью-бр. традиционном медиадискурсе зафиксированы случаи пояснения татарских и французских терминов на русском и английском языках, что

свидетельствует о большей понятности терминологического аппарата контактирующего языка; в квебек. традиционном медиадискурсе к терминам-англицизмам приводится экспликация на французском языке;

4) в интернет-дискурсе для лексической манифестации татарских билингвальных языковых личностей характерно употребление наречий и служебных слов русского языка, в то время как для франко-канадских — глаголов и имен прилагательных английского языка (адаптированных и неадаптированных); в татарском интернет-дискурсе грамматическая адаптация глаголов русского языка происходит с использованием вспомогательного глагола, в дискурсе франко-канадских билингвальных языковых личностей — суффиксальным способом;

5) для семантической манифестации франко-канадских билингвальных языковых личностей характерно изменение значения в результате семантической омонимии слов французского и английского языков.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ С СЕМАНТИКОЙ ‘ПОКА НЕ’ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОТРИЦАНИЕ, АСПЕКТ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Муравьев Никита Алексеевич
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Одним из обсуждаемых типов темпоральных конструкций являются конструкции прерывающего следования [Храковский 2009; Dixon 2009], в структуре которых есть отрицательный оператор, как у англ. *until* [Karttunen 1974; Mittwoch 1977], либо эксплицитный маркер отрицания, как у рус. *пока не* [Барентсен 2014; Падучева 2014; Татевосов 2016]. Не менее интересен материал уральских языков (ср. удмуртский в [Georgieva 2018]), в которых есть специализированные деепричастия следования.

В докладе на полевом элицитированном материале говора с. Кузнецово республики Марий Эл (2019) анализируется горномарийское деепричастие на *-meškə*, семантика которого складывается из взаимодействия аспекта, порядка слов и информационной структуры. Цель исследования — установить, имеется ли в семантике формы оператор отрицания и какую роль он выполняет. Так, в (1) и (2) представлены конструкции прерывающего следования с зависимой клаузой в фокусе. В (2) при этом прерывается не само событие сна, а его «состояние ненаступления» [Падучева 2008: 8], что имплицирует его осуществление после включения света.

(1) *tədə* *sv'et-əm* ***čüktə-meškə*** *amal-en*
он свет-ACC зажигать-CVB.LIM спать-PRET
{Как долго Маша спала?} ‘Она спала ДО ВКЛЮЧЕНИЯ СВЕТА’.

(2) *tədə* *sv'et-əm* ***jör-tə-meškə*** *amalə̂-de*
он свет-ACC гаснуть-CAUS-CVB.LIM спать-NEG.PRET
{Как долго Маша не спала?} ‘Она не спала ДО ВЫКЛЮЧЕНИЯ СВЕТА’.

Если же при главном отрицании в зависимой клаузе оказывается данная информация, возникает еще одна интерпретация контрастного топика (3б) со «смещенным отрицанием» [Падучева 1974].

(3) *tədə* *keče* ***läk-meškə*** *amalə̂-de*
она солнце выйти-CVB.LIM спать-NEG.PRET
(а) {Как долго Маша не спала?} ‘Она не спала ДО ВОСХОДА СОЛНЦА’.
(б) {Маша спала прямо до восхода солнца?}
‘ДО ВОСХОДА СОЛНЦА она НЕ СПАЛА’.

Возможность смещения отрицания на зависимое событие является весомым аргументом в пользу отсутствия в семантике *-meškə* отрицательного оператора. Взамен предлагается считать, что *-meškə* задает нейтральный пропозициональный интервал до момента зависимого события, заполняемый истинностным значением главного события. В докладе будут освещены следствия этого наблюдения для теории и типологии конструкций следования.

Список сокращений

ACC — аккузатив, CAUS — каузатив, CVB — деепричастие, LIM — лимитив, NEG — отрицание, PRET — претерит.

Список литературы

Барентсен 2014 — *Барентсен А.* Проблемы описания союза *пока* // Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of slavists / Ed. *Nomachi M., Danylenko A., Piper P.* München — Berlin: Verlag Otto Sagner, 2014. P. 377–410.

Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). М.: Наука, 1974.

Падучева 2008 — *Падучева Е. В.* Имперфектив отрицания в русском языке // Вопросы языкознания. 2008, 3. С. 3–21.

Падучева 2014 — *Падучева Е. В.* Эксплетивное отрицание и семантика союза ПОКА // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика: сборник статей / Ред. *Даниэль М. А., Лютикова Е. А., Плунгян В. А., Татевосов С. Г., Федорова О. В.* СПб.: Алетейя, 2014. С. 339–350.

Татевосов 2016 — *Татевосов С. Г.* Заметки о незаметном отрицании // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016, 10. С. 312–329.

Храковский 2009 — *Храковский В. С.* Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. *В. С. Храковский*. М.: Знак, 2009. С. 11–113.

Dixon 2009 — *Dixon R. M. W.* The semantics of clause linking in typological perspective // The Semantics of Clause Linking. A Cross-Linguistic Typology. Explorations in Linguistic Typology / Ed. *Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y.* Oxford: OUP, 2009.

Georgieva 2018 — *Georgieva E.* Non-finite adverbial clauses in Udmurt. Doctoral dissertation. University of Szeged, 2018.

Karttunen 1974 — *Karttunen L. Until* // Chicago linguistic society. Vol. 10. Papers from the Tenth Regional Meeting (April 19–21, 1974). Chicago, 1974. P. 284–297.

Mittwoch 1977 — *Mittwoch A.* Negative sentences with *until* // Chicago linguistic society. Vol. 13. Papers from the Thirteenth Regional Meeting (April 14–16, 1977). Chicago, 1977. P. 410–417.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Нигматуллина Элина Рустемовна
(МГЛУ, Россия, Москва)

Целью нашего сообщения является демонстрация существенной роли, которую играет концептуальная метафора в реализации эмотивов в англоязычных газетных / журнальных текстах политической тематики. Материал отбирался из таких источников, как “The Times”, “The Washington Post”, “The Week”, “The Economist”, “The Guardian”, “The Wall Street Journal”, опубликованных в период с 2017 по 2019 гг. Предварительное исследование показало, что эмотивы, реализующиеся в рассматриваемых текстах, можно разделить на шесть смысловых зон: «чистые» / базовые эмоции; эмоциональные состояния; эмоционально-интеллектуальные состояния; выражения эмоциональных реакций; лексические единицы с устойчивой ассоциацией с эмоциями; указания на события и действия, формирующие эмотивный фон.

Изучение языкового материала показало, что эмотивы (особенно обозначения базовых эмоций), реализуясь в тексте, могут выступать как репрезентант концептуальной метафоры, прежде всего метафорического концепта персонификации:

(1) *America loves a capitalist reckoning the way the NFL loves Colin Kaepernick* [The Time USA, 02.12.2019: 44].

Обозначения эмоциональных реакций могут также быть репрезентантами концептуальной метафоры огня (высокой температуры):

(2) *The president was reportedly fuming over the indictments* <…> [The Week, 10.11.2017: 4].

В тексте обнаруживаются и более сложные контексты, где персонификация может сочетаться с другими метафорическими концептами, например с медицинской метафорой, представляя проблемы общества как его временное болезненное состояние:

(3) *And even as the government claims a wish to salve human misfortune, in parliamentary debate it rejected a proposal* <…> [The Economist, 14.12.2019: 11].

Проведенное исследование показало, что в англоязычных текстах политической тематики эмотивы реализуются в одном контексте с такими метафорическими концептами, как метафора ПУТЕШЕСТВИЯ, ВОДЫ, РАСТЕНИЯ, СПОРТА и ИГРЫ, позволяя описать чувства и эмоции участников происходящего и формируя наглядную картину медиасобытия.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КЛАСТЕРИЗАЦИИ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАРЕЛЬСКОГО И ВЕПССКОГО ЯЗЫКОВ)

Новак Ирина Петровна
(Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Россия, Петрозаводск)

На протяжении трех лет сотрудниками сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН совместно с коллегами из Финляндии ведется работа над компьютерной программой, позволяющей применять статистический метод, а именно алгоритм иерархического агломеративного кластерного анализа, к предварительно закодированным диалектным данным.

Апробацию программа успешно прошла на материалах «Диалектологического атласа карельского языка» (Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В., 1997), содержащего 206 карт, отражающих фонетическую, морфологическую и лексическую системы 186 карельских говоров Республики Карелия и Тверской области, т. е. более 38 тыс. диалектных единиц. На начальном этапе работы диалектные данные кодируются. На базе закодированного материала программа создает таблицы отличий между всеми пунктами картографирования, а уже на основании этих отличий по заданным параметрам — кластеры, объединяющие наиболее схожие говоры. Далее процедура повторяется, кластеры объединяются в более крупные группы до тех пор, пока все пункты не окажутся в одном крупном кластере (языке).

Новым этапом работы стало применение метода кластерного анализа к материалам «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (под ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой, 2007), содержащего 45 тыс. лексических диалектных единиц. Анализ материалов данного словаря позволил проследить историю формирования наречий карельского языка и их диалектов, а также наметить основные направления их взаимодействий с родственными языками, в первую очередь с вепсским.

Применение программы кластеризации, базирующейся на традиционном в лингвистической географии методе проведения изоглосс и объединения их в пучки, дает возможность с разных сторон анализировать огромный массив диалектных данных в кратчайшие сроки. Применение метода к материалам карельского языка (с учетом вепсских данных) позволило, во-первых, решить основные проблемы его диалектного членения, такие как определение статуса людиковских говоров и говоров приграничной Карелии, во-вторых, наметить диалектные границы и, в-третьих, разработать лингвистически обоснованную классификацию карельских диалектов, отличную от традиционной, основанной на административном принципе. В ходе работы впервые документально на языковых данных удалось подтвердить факт единства трех наречий карельского языка, которые финской и эстонской лингвистическими школами признаются за отдельные языки.

Междисциплинарная методика может быть успешно применима к материалам любых языковых систем, а также к изучению различных вопросов диалектологии и языкознания.

ТЕОРИЯ ГРАУНДИНГА В КОНВЕРСАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПЕРЕХОДОВ ХОДА В ОНЛАЙН-ЧАТЕ)

Новокрещенных Екатерина Владимировна
(ТюмГУ, Россия, Тюмень)

Исследование выполнено в рамках теории конверсационного анализа. Объект исследования — онлайн-чат как форма общения в социальных сетях и других онлайн-мессенджерах, предмет — характеристики turn-taking (перехода хода) в онлайн-чате.

Мы исходим из гипотезы, что в ситуации компьютерно-опосредованной коммуникации решительным трансформациям подвергается координация общения между собеседниками, в частности, переход речевого хода от одного собеседника к другому (англ. turn-taking). В соответствии с данной гипотезой цель исследования — выявить отличия координации перехода хода в онлайн-чате от координации в ходе непосредственного общения.

Для достижения поставленной цели мы применили теорию граундинга, изложенную в классической статье Х. Кларка и С. Бреннан [Clark, Brennan 1991]. Термин *grounding* можно перевести на русский язык как «общая установка» или «взаимопонимание», однако мы предпочитаем пользоваться транслитерированным термином «граундинг» именно в том значении, которое закладывали в него авторы: «коллективный процесс, с помощью которого участники стараются достичь <...> общих представлений». Последнее определение является более точным, т. к. предполагает не только исходное наличие у собеседников общих установок и представлений (mutual belief), но и сам процесс координации содержания [Clark, Brennan 1991].

Новизна исследования состоит в применении понятия «граундинг», используемого Кларком и Бреннан по отношению к синхронному и асинхронному общению, к квазисинхронным опосредованным формам общения, к которым мы относим онлайн-чат. Мы показываем, как реализуется координация между собеседниками в квазисинхронном общении, и последовательно оцениваем *координационные издержки*, которые несут собеседники на стыке речевых ходов (т. е. при переходе хода от одного собеседника к другому).

Исследование состоит из двух этапов.

I этап — диагностика координационных издержек. Нами был отобран материал в виде 300 высказываний пользователей соцсетей и мессенджеров (WhatsApp, Viber, Vk.com), представленных в открытых онлайн-коллекциях (форумах, сообществах и пр.). Мы соотнесли негативные наблюдения пользователей с классификацией издержек Сакса, Щеглоффа и Джефферсона (1992) и выявили, что в ситуации квазисинхронного общения все издержки затрагивают процесс перехода хода и влияют на него. Например, квазисинхронное чат-общение часто ставит под вопрос даже хронологическую очередность ходов, поскольку, в отличие от синхронного (непосредственного разговора) и асинхронного общения (электронной почты), очередность в квазисинхронном чате может быть технически обратима, что приводит к серьезным координационным нарушениям: так, один собеседник имеет техническую возможность полностью удалить или отредактировать содержание реплики, на которую уже получен ответ другого собеседника.

II этап — на этом этапе мы обратились к области humour studies (исследованиям юмора), поскольку через юмор наболевшие проблемы диагностируются самими пользователями быстрее и с большей остротой, чем путем прямой рефлексии. Мы рассмотрели координационные издержки на примере 250 русско- и англоязычных визуально-текстовых мемов, отобранных путем случайной выборки через поисковую систему по ключевым словам, характеризующим проблемы онлайн-коммуникации

(например, юмор вокруг double blue tick («двойной голубой галочки») — символа, обозначающего факт прочтения сообщения собеседником в мессенджере WhatsApp).

На основе проанализированного материала координационные издержки квазисинхронного общения последовательно сопоставлены с соответствующими издержками синхронного и асинхронного общения, приведены стратегии поведения коммуникантов. Осуществлена попытка сопоставить полученные данные с рекомендациями в области интернет-этикета («нетикета») на примере критического анализа телеграм-канала «Цифровой этикет».

Список литературы

Clark, Brennan 1991 — *Clark Herbert H.*, *Brennan Susan E.* Grounding in communication // Perspectives on socially shared cognition / Eds. *Resnick L. B.*, *Levine J. M.*, *Teasley J. S. D.* Washington: American Psychological Association, 1991.

ИЗМЕНЕНИЕ НАЗВАНИЙ ТОВАРОВ ИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ТЕЧЕНИЕ XX ВЕКА

Новопашенная Элина Игоревна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

Доклад посвящен возникновению неологизмов и заимствованию новых слов вместе с приходом новых вещей в быт. Предмет исследования — дореволюционные неологизмы в русском языке на материале рекламных объявлений в периодических изданиях и их судьба на протяжении XX в. Материал, выбранный для исследования, раньше не поднимался в свете данной проблемы и, как кажется автору, не является достаточно изученным. Также важность исследования заключается в том, что функционирование этих слов в широко распространенной периодике дает возможность поднять социолингвистические вопросы русского языка поздней Российской Империи.

Источники материала — рекламные объявления из архива журнала «Нива» и справочника «Весь Петербург» (фонд РНБ). Эти издания выбраны потому, что они имели обширный отдел частных объявлений и не специализировались на конкретной аудитории, а также печатались большими тиражами и пользовались высоким спросом. Таким образом, публикация в них рекламы новых товаров с новыми для потребителей названиями являлась в некотором смысле языковой политикой (возможно, неосознанной), осуществляемой рекламодателями.

В ходе исследования были отобраны объявления с названиями приборов и продуктов, которые сегодня называются иначе (например, *подъемные машины / лифты, денежные шкафы / сейфы, лепешки / пастилки от кашля* и др.). Каждому была подобрана пара из современного русского языка, а затем пары были проанализированы по типам неологизмов (неосемема, неофразема, неолексема [Попова 2005]) и по использованию иностранных корней в названии. Далее при помощи НКРЯ (выборка до 1917 г.) были найдены первые упоминания новых, современных нам наименований и проведено сравнение старого и нового названий по частотности.

Результаты исследования показывают, что до революции использовались все три типа неологизмов — образование новых слов, образование новых идиоматичных сочетаний и добавление новых смыслов к уже имеющимся в языке лексемам. При этом подавляющее большинство неологизмов избегало иностранных корней: обнаруживается тенденция к словообразовательным и семантическим калькам, в отличие от стратегий неологизмов современного русского языка.

Список электронных ресурсов

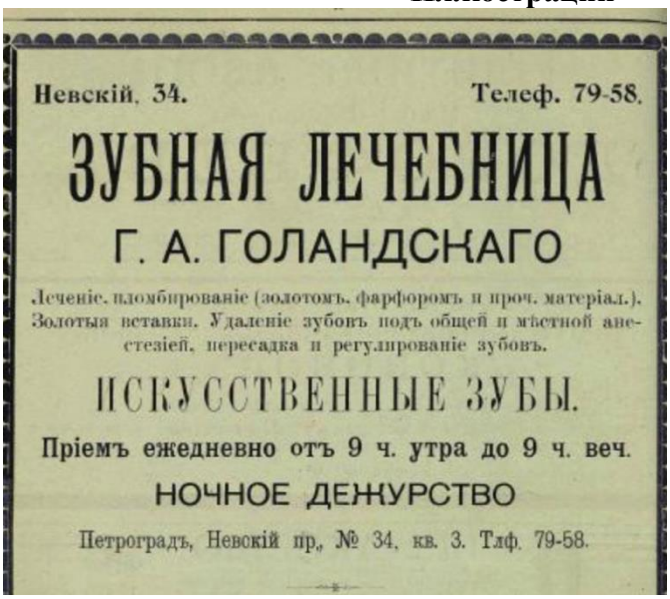
1. Архив РНБ, справочник «Весь Петербург» // URL: http://nlr.ru/cont/v_p/
2. Портал Руниверс, журнал «Нива» // URL: https://runivers.ru/lib/book9158/
3. Национальный корпус русского языка // URL: http://www.ruscorpora.ru/old/

Список литературы

Попова 2005 — *Попова Т. В.* Русская неология и неография: Учебное электронное текстовое издание. Екатеринбург, 2005. С. 30–31.

Розенталь 2009 — *Розенталь Д. Э., Голуб К. Б., Телешова М. А.* Современный и русский язык. 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2009. 448 с.

Иллюстрации



СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД ‘ПОДНЯТЬ’ — ‘ОТМЕНИТЬ’ В ЕГО КОГНИТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Орлова Мария Владимировна
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва)

В докладе рассматривается ряд семантических переходов, формирующих единую цепочку значений, которую по крайним звеньям можно обозначить как ‘to take up’ — ‘to abolish’ (‘поднять’ — ‘отменить’). Семантический переход вслед за работами Анны А. Зализняк понимается как «наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах “одного слова в широком смысле”» (в полисемии, в семантической эволюции слова, в его словообразовательной парадигме). Высказывается предположение о вероятной когнитивной основе семантического развития глагольных лексем с исходным значением ‘to take up’, которая представляется общей для значительного количества языков.

С опорой на толковые и этимологические словари исследуются реализации соответствующих переходов в 11 языках (греческой, германской и романской групп): др.-гр. *αἴρω* и *ἀναιρέω*, англ. *lift*, нем. *aufheben*, нид. *opheffen*, норв. *heve* и *oppheve*, дат. *hæve* и *ophæve*, шв. *häva* и *upphäva*, лат. *levo*, фр. *lever* и *enlever*, ит. *levare*, исп. *levantar*. Характеризуются общие черты, присущие анализируемой цепочке переходов во всех рассматриваемых языках, и различия в ее составе и соотношении между значениями: так, переходы могут быть представлены случаями синхронной многозначности, семантической эволюции, морфологической деривации. Анализ материала позволяет заключить, что механизм развития значений исследуемых лексем в соответствии с основными положениями когнитивной лингвистики демонстрирует движение от конкретного значения перемещения объекта к абстрактному значению отмены официального постановления.

В структуре цепочки, которая прослеживается в словарных описаниях соответствующих лексем и представляется закономерной с учетом типологических исследований семантической деривации (от базовых физических действий к более сложным и далее к абстрактным ситуациям — см. понятие топологической схемы), находит отражение идея последовательного увеличения дистанции между перемещаемым объектом и его исходным местоположением, что служит основой для возникновения значений ‘to take off’ (‘снять’) и ‘to take away’ (‘унести’). На последних шагах деривации идея удаления предмета из данного пространства достигает максимально полного воплощения в значениях ‘to destroy’ (‘уничтожить’) и ‘to abolish’ (‘отменить’). Отмечается различный механизм развития новых значений глагола: четыре из пяти производных значений являются метонимическими, тогда как значение ‘to abolish’ имеет метафорическую природу.

Отдельное внимание уделяется материалу латинского языка в сравнении с современными романскими, поскольку развитие значений латинского глагола *levo* демонстрирует иную схему концептуализации явлений действительности. Разнообразие реализаций сложного перехода ‘поднять’ — ‘отменить’ в языках мира позволяет заключить, что он имеет особую значимость для лексико-семантической типологии как распространенный способ концептуализации действительности.

АНКЕТА ДЛЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАРИТИВА

Оскольская Софья Алексеевна
(Институт лингвистических исследований РАН, Россия, Санкт-Петербург)

В докладе будет представлена анкета, разработанная для типологического исследования способов выражения каритивной семантики. В данном случае анкета понимается в традициях Ленинградской / Петербургской типологической школы и представляет собой список вопросов об устройстве некоторого явления в языке X, т. е. вопросы обращены к специалисту по этому языку, а не к носителю.

Цель типологического исследования каритива, для которого составлена анкета, заключается в сборе и анализе данных о способах выражения каритива в языках мира. Каритив описывает невовлеченность (в частном случае отсутствие) в ситуации некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим модификатором другой ситуации / участника другой ситуации (ориентира). Так, в русском языке каритив выражается предлогом *без* и приставкой *без-* / *бес-*. Хотя во многих языках нет специального показателя каритива, допускается, что каритивная семантика может быть выражена тем или иным способом в любом языке мира.

В основу составления анкеты легли следующие принципы:

1) она должна отражать многообразие способов выражения каритива и его частных значений;

2) большинство вопросов должны быть применимы к любому каритивному выражению, будь то падежный показатель (как в эстонском), клитика или адлог (как в русском), аппликатив (как в барупу, языке Папуа Новой Гвинеи) или перифрастическая конструкция типа отрицания комитатива, глагольного отрицания и т. п. (как в гбан, сери и мн. др.);

3) данные должны быть доступны для статистической обработки (большинство вопросов предполагают ответ «да» = 1 или «нет» = 0).

Анкета включает в себя три группы вопросов. Первая группа посвящена грамматическим свойствам каритивной конструкции, во второй группе рассматриваются семантические свойства каритивного выражения, третья группа связана с информационной структурой.

В докладе будут подробно рассмотрены отдельные вопросы анкеты и связанные с ними проблемы, будут приведены предварительные данные из разных языков мира.

ДИАЛЕКТИКА ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВИЛО VS СОВРЕМЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Петрова Любовь Сергеевна
(МГЛУ, Россия, Москва)

1) Изучение изменений, происходящих в языке, является важным направлением лингвистической науки. В докладе предлагается анализ грамматических неточностей — узуальных явлений в дискурсе, возникающих под влиянием различных коммуникативных потребностей. В качестве источника наблюдений используются материалы конференций TED Talks — публичных выступлений на различные темы в интервале с 2009 по 2017 гг.

2) Методологически описание грамматических нарушений в речевой деятельности говорящего основывается на сравнении традиционного и функционального подходов. Коммуникативные потребности говорящего (в ассимиляции, дифференциации, краткости, неизменяемости, экспрессивности), действующие как по отдельности, так и в различных конфигурациях и понимаемые здесь как причина грамматических девиаций, выделяются вслед за исследователями французской школы дискурсивного анализа.

Так, например, в высказывании *You know, as I've gotten older, I've understood more the importance of* ***friendships*** можно отследить взаимодействие трех потребностей:

а) в экспрессивности — множественное число неисчисляемого абстрактного существительного привлекает внимание аудитории;

б) в краткости — вместо *various friendly relations* используется одно слово;

в) в ассимиляции — множественное число существительного образуется с использованием нормативного суффикса -s.

В ходе исследования обнаружены и сгруппированы регулярные «ошибки» англоязычных говорящих: морфологические (видовременные формы глагола, склонение местоимений и др.), синтаксические (согласование времен, согласование подлежащего со сказуемым и др.), смешанные (времена в условных предложениях, использование причастий и др.).

3) В большинстве случаев допускаемые нарушения норм не приводят к существенному искажению смысла, а наоборот, делают сообщение более точным и выразительным. Имея тенденцию регулярно встречаться в речи, обнаруженные девиации могут быть со временем приняты языком. Таким образом, описывая узус-ориентированные факты отклонений от грамматической нормы, мы получаем возможность прогнозировать состояние английского языка в будущем.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *МАГАЗИН* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Полянская Анастасия Геннадьевна
(Институт языкознания РАН, Россия, Москва)

В рамках исследования сопоставляются данные РАС, ЕВРАС, СИБАС и толковых словарей, а также результаты собственного ассоциативного эксперимента.

Целью работы является оценка влияния социальных, экономических, политических и технологических факторов на лексическое и ассоциативное значение слов *магазин, купить, оплата, продажа* (изменение экономической ситуация в стране, завершение периода дефицита, количественное и качественное изменение ассортимента, увеличение количества точек продаж, изменение формата магазинов, частичный переход торговых отношений в онлайн).

Анализ реакций показывает, что наибольшие трансформации ассоциативного значения слова *магазин*, также как и слова *купить* связаны с изменением экономико-политической ситуации. Так, для слова *магазин* из ядра значения уходят реакции, связанные с очередями и пустыми прилавками, их сменяют реакции, подчеркивающие продовольственное изобилие и возможность купить все необходимое. Есть также факторы, указывающие на тенденцию к глобализации. Например, можно отметить изменение в ассоциативном значении слова *продажа* с локального на международное.

Основным ассоциативным значением для проанализированных стимулов, связанных с приобретением товара, является совершение товарно-денежных отношений оффлайн. Реакции, отражающие совершение сделки в интернете, находятся на периферии и представлены единичными значениями. Эту же тенденцию подтверждают данные собственного эксперимента, где в качестве стимула представлен креолизованный текст, представляющий собой страницу интернет-магазина. Однако важно отметить, что в современных региональных словарях (ЕВРАС и СИБАС) отражено уменьшение ассоциативной взаимосвязи между словом *продажа* и привязкой к конкретным местам и способам продажи.

VALIDATING THE RESULTS OF A LONGITUDINAL STUDY ON PHONETIC FOSSILIZED ERRORS IN THE SPEECH OF TUNISIAN ENGLISH STUDENTS

Aicha Rahal
(University of Sfax, Tunisia, Sfax),

Chokri Smaoui
(University of Sfax, Tunisia, Sfax)

Selinker (1972) suggests that the most important distinguishing factor related to second language acquisition is the phenomenon of fossilization. He defines fossilization as "a process whereby the learner creates a cessation of interlanguage learning, thus stopping the interlanguage from developing…" (1996, as cited in [Han 2004: 15]). A considerable number of studies investigated fossilization and researchers replied on a number of approaches, such the cross-sectional approach, the corrective approach and the longitudinal approach.

This presentation raises methodological issues related to the validation of a longitudinal study on the fossilized pronunciation of Tunisian English students. The question which is worth being raised here is how to validate the results of a longitudinal study. This presentation will first present the findings of a longitudinal study conducted between 2013 and 2015. It consists of three phases: time one, time two and time three. The researcher recorded data on time one and then on times two and three. The aim was to identify the mispronunciation of vowel and consonant sounds. The researcher asked the same participants to pronounce the same lists of words three times.

Moreover, the presentation will focus more on how to validate and show the reliability of this study using a number of statistical tests, namely the repeated measures ANOVA and the mixed effect regression. This study may methodologically contribute to the literature of validation.

УСТОЙЧИВЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ *СОВЕРШАТЬ / СОВЕРШИТЬ* В ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Русанова Оксана Сергеевна
(УдГУ, Россия, Ижевск)

В текстах официально-делового стиля современного русского языка встречаются сочетания типа *произвести впечатление*, *представить интерес*, *совершить деяние* и др. Такое явление в научной лингвистической литературе называется по-разному, мы же будем использовать термин «устойчивые глагольно-именные сочетания» (УГИС). Известно, что именные и глагольные компоненты в подобных сочетаниях могут варьироваться, что вызывает некоторые затруднения в употреблении УГИС.

Целью настоящего исследования является структурно-семантический анализ УГИС с компонентами *совершать* ‘делать, осуществлять, производить’ и *совершить* ‘сделать, осуществить, произвести’ в современных и старорусских деловых текстах.

В словарях устойчивых сочетаний приводится 44 интересующих нас сочетания (*совершать* / *совершить* *побег*, *подвиг*, *грех*, *насилие* и т. д.), в современных деловых текстах НКРЯ мы обнаружили 15 сочетаний: *совершать* / *совершить* *деяние*, *преступление*, *сделки*, *действие*, *убийство*, *покушение* и др. Практически все сочетания являются устойчивыми, при этом некоторые из них не закреплены в словарях, например, *совершать* / *совершить* *деяние*, которое в текстах корпуса встречается очень часто (более 50% употреблений).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» представлены примеры употребления данных глаголов (*съвьршати* / *съвьршити дѣло*, *погребение*, *службу*, *трудъ* и др.), однако в словарной статье не приведено ни одного устойчивого сочетания. Возникает закономерный вопрос: были ли устойчивые сочетания с этими глаголами в принципе? Чтобы ответить на этот вопрос, можно обратиться к данным НКРЯ, который является хорошим инструментом для определения частотности того или иного сочетания: в нем собрано большое количество современных и исторических текстов, распределенных по стилям и жанрам.

В НКРЯ мы выбрали примеры употребления этих глаголов в старорусских грамотах и обнаружили семь сочетаний, самыми частотными из которых являются *съвьршати* / *съвьршити радение* ‘прилагать / приложить усилие, проявлять / проявить старание’, *съвьршати* / *съвьршити службу* ‘делать / сделать дело, работу’, *съвьршати* / *съвьршити службу и радение* ‘делать / сделать дело, работу хорошо, усердно’. Можно предположить, что данные сочетания были устойчивыми в деловых текстах определенного жанра.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у глаголов *совершать* / *совершить* изменилась сочетаемость, поэтому в русских деловых текстах разных периодов мы видим сочетания с разным компонентным составом при одном и том же значении глагола. Степень устойчивости того или иного сочетания можно определить, используя данные НКРЯ.

ПРОПОЗИЦИЯ КАК МАНИФЕСТАНТ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕСЕД ЛОГОПЕДА С РЕБЕНКОМ С ПЕРВИЧНЫМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ)

Самойленко Марина Анатольевна
(Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия, Москва)

Установленным фактом является значимость уровня развития речи для мышления ребенка [Вакуленкова 2007; Бутенко 2018; Пивненко, Скоробогатова 2018]. Однако остается открытым вопрос о возможностях выражения в речи когнитивного акта детьми с первичным недоразвитием речи [Бобылова и др. 2017]. Для выявления механизмов этого явления были использованы эвристические возможности изучения пропозиции как манифестанта мышления [Речь 1994; Арутюнова 2009; Бузальская 2017] при помощи методологии семантико-синтаксического анализа текстов, записанных в ходе педагогических бесед логопеда с детьми (216 текстов, 52 ребенка) с первичным недоразвитием речи. Полученные результаты позволяют говорить о существовании феноменов детского мышления, которые оказываются сформированными настолько, что получают выражение в высказываниях детей с недоразвитием речи, несмотря на трудности в лексико-грамматическом оформлении замысла.

Под первичным недоразвитием речи (ПНР) понимается значительное отставание в речевом развитии при сохранном интеллекте [Корнев 2006]. Тексты бесед логопеда с детьми с ПНР в возрасте от 5 до 9 лет записаны в аудио формате, расшифрованы автором и классифицированы в соответствии с коммуникативной задачей (диалог «взрослый — ребенок» на значимую для ребенка тему, объяснение собственных действий в ходе выполнения задания логопеда, составление рассказа по серии сюжетных картинок). В качестве текста в данной работе рассматривается такой фрагмент беседы, в котором реализуется смысловое и коммуникативное единство, а также структурная целостность.

В каждом тексте представлено различное количество высказываний ребенка — от 3 до 57 самостоятельных высказываний; средняя длина — 23 высказывания. Исключены тексты, содержащие повтор высказываний взрослого. Среднее количество пропозиций, встречающихся в высказываниях детей в изучаемых текстах, — 27 событийных и 11 логических пропозиций в речи одного ребенка. Автор изучил диктум данных текстов, проанализировал особенности устройства и функционирования событийных и логических пропозиций в трех аспектах: семантическом (значение реализованных высказываний), коммуникативном (анализ способов достижения коммуникативных задач) и конструктивном (формальное выражение состава пропозиций).

Изученные материалы текстов указывают на экспликацию в речи следующих особенностей мышления детей: эгоцентризм, соположение, синкретизм, предпричинность, узость поля наблюдения, интеллектуальный реализм. Это в свою очередь говорит о том, что данные особенности мышления проявляются не только в рамках специальных психологических тестов, но и отчетливо наблюдаются при анализе диктумной части высказывания. Результаты анализа указывают на ядро и периферию событийных и логических пропозиций, что свидетельствует об их связи с особенностями мышления ребенка. Несмотря на то, что полученные выводы свидетельствуют о тесной связи частотности употребления пропозиций физического действия, движения и существования с преобладанием у детей функций наглядно-действенного мышления, частое употребление логических пропозиций причины, характеризации и соединения говорят о формировании словесно-логического мышления.

Полученные данные были сопоставлены с данными текстов детей с нормой речевого развития [Речь 1994]. Автор отмечает выраженные различия в

функционировании пропозиций в речи детей с нормой и недоразвитием речи, однако указывает на сходства в средствах формального выражения пропозиций в сравнении с более ранним возрастом. Этот факт объясняет специфичность осуществления когнитивных операций детьми с первичным недоразвитием речи, что расширяет существующие в современной психолингвистике представления о взаимосвязи мышления и речи.

Список литературы

Арутюнова 2009 — *Арутюнова Н. Д.* Понятие пропозиции в логике // Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. 6-е изд. М.: Либроком, 2009. С. 21–38.

Бобылова и др. 2017 — *Бобылова М. Ю., Браудо Т. Е., Казакова М. В., Винярская И. В.* Задержка речевого развития у детей: введение в терминологию // Русский журнал детской неврологии. 2017, 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaderzhka-rechevogo-razvitiya-u-detey-vvedenie-v-terminologiyu

Бузальская 2017 — *Бузальская Е. В.* Лингвокогнитивная типология речевых жанров: на материале эссе // Жанры речи. 2017, 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokognitivnaya-tipologiya-rechevyh-zhanrov-na-materiale-esse

Бутенко 2018 — *Бутенко Н. В.* Траектория формирования мышления в процессе детского развития // Вестник ЮУрГГПУ. 2018, 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traektoriya-formirovaniya-myshleniya-v-protsesse-detskogo-razvitiya

Вакуленкова 2007 — *Вакуленкова М. В.* Кодирование информации как один из этапов формирования информационной культуры младших школьников // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Технические науки. 2007, 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kodirovanie-informatsii-kak-odin-iz-etapov-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-mladshih-shkolnikov

Корнев 2006 — *Корнев А. Н.* Основы логопатологии детского возраста: Клинические и психологические аспекты. СПб.: Речь, 2006.

Пивненко, Скоробогатова 2018 — *Пивненко В. В., Скоробогатова Н. В.* Нейропсихологические механизмы когнитивных операций грамматикализации // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018, 3 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyropsihologicheskie-mehanizmy-kognitivnyh-operatsiy-grammatikalizatsii

Речь 1994 — Речь русского ребенка: Звучащая хрестоматия / Сост. *Т. В. Кузьмина, Э. И. Столярова, С. Н. Цейтлин*. СПб.: Бохум, 1994. 126 с.

Шмелева 1994 — *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1994. 47 с.

ОБ ОДНОМ НЕТИПИЧНОМ ЗНАЧЕНИИ ЛЕКСЕМЫ *ИСТИННЫЙ* В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Сахарова Анна Владимировна
(ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород)

Поиск так называемого «истинного» знания часто указывается как основная цель научной деятельности [ФС 2001; ФЭС 2004 и др.]. А значит, мы можем предположить, что понятие истины будет одним из центральных в философии и социологии науки, а также будет занимать важное место в самосознании ученых и определять их аксиологические установки. Однако сложно не заметить, что оперирование понятием истины в XX в. осталось прерогативой философов, в то время как в естественнонаучных текстах лексемы *истина* и *истинный* почти не употребляются в значениях, закрепленных в словарях, см., например, [Ефремова web].

Однако в научных текстах встречаются значения лексемы *истинный*, нетипичные для других контекстов. Речь идет о значении ‘установленный экспериментально’ и о терминологическом значении.

Для исследования был составлен подкорпус, включающий более 1000 естественнонаучных статей, содержащих порядка 400 контекстов, более 200 из которых содержат лексему *истинный* в искомых значениях. Сбор материала продолжается.

В качестве примеров приведем два контекста, в которых лексема *истинный* используется в первом из указанных значений:

(1) *«…небольшой разброс жесткостных характеристик композитной ленты в процессе изготовления конструкции или небольшие погрешности измерения критических нагрузок приводят при использовании традиционного подхода к существенному отличию* ***расчетных*** (здесь и далее выделение моё — *А. С.*) *значений малых жесткостных характеристик от* ***истинных****»* [Каюмов 2019: 80];

(2) *«В работе [23] показано, что степень совпадения спектральных пульсаций скорости с исходными DNS-данными вблизи стенки коррелирует с отклонением* ***рассчитанных*** *пульсаций скорости от* ***истинного*** *значения»* [Токарев 2007: 126].

В каждом из случаев мы видим противопоставление *истинного* (установленного экспериментально) и *расчетного* (теоретического). Такое употребление лексемы «вскрывает» закрепившееся в языке науки представление об экспериментальных знаниях как об истинных.

Использование лексемы *истинный* в терминологическом значении связано со значением ‘установленный экспериментально’:

(3) *«Удивительным представляется то, что на начальном этапе роста графена и графита их появление на поверхности никак не сказывается ни на* ***яркостной****, ни на* ***истинной*** *температуре»* [Рутьков 2014: 711].

В данном контексте *истинная температура* — это температура, определяемая контактно «физически», стандартными эмпирическими методами (в отличие от яркостной).

Подводя итоги, заметим, что в естественнонаучных текстах появляется новое значение лексемы *истинный*, отсутствующее в других типах дискурса и не закрепленное в словарях: ‘установленный экспериментально’. На этом значении лексемы основаны и ее терминологические употребления. Оба случая нетипичного употребления лексемы обусловлены внутренними аксиологическими установками авторов естественнонаучных

текстов, в частности их имплицитными представлениями об истинном знании и способах его получения.

Список источников

Каюмов 2019 — *Каюмов Р. А.*, *Тазюков Б. Ф.*, *Мухамедова И. З.*, *Шакирзянов Ф. Р.* Определение жесткостных параметров композитного материала по результатам испытаний панелей на устойчивость // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Физ.-матем. науки. 2019, 1.

Рутьков 2014 — *Рутьков Е. В.*, *Галль Н. Р.* Необычные оптические свойства графена на поверхности rh // Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики. 2014. Т. 100. № 9–10. С. 708–711.

Токарев 2007 — *Токарев М. П.*, *Маркович Д. М.*, *Бильский А. В.* Адаптивные алгоритмы обработки изображений частиц для расчета мгновенных полей скорости // Вычислительные технологии. 2007. Т. 12. № 3. С. 109–131.

Список литературы

Ефремова web — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. URL: https://www.efremova.info/ (дата обращения: 24.09.2019).

ФС 2001 — Философский словарь / Под ред. *И. Т. Фролова*. М.: Республика, 2001. 719 с. (7-е издание, переработанное и дополненное).

ФЭС 2004 — Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. *А. А. Ивина*. М.: Гардарики, 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/ (дата обращения: 24.09.2019).

КОНСТРУКЦИЯ *(НУ), ЛЮДИ И ЛЮДИ* ПО ДАННЫМ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ

Сахоненко Анастасия Александровна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

В докладе рассматривается конструкция *(ну,) X и X* и ее эквиваленты в переводах на английский язык на материале параллельных корпусов НКРЯ и OPUS2 Russian. В ходе работы были использованы методы контрастивного корпусного анализа, см. [Зализняк 2015].

(1) *И так пошло после: Анчар и Анчар*. [М. М. Пришвин. Анчар]
And so the name stuck. I always called him Anchar. [перевод Л. А. Наврозова]

Данная конструкция активно изучается в последние годы, см. [Санников 2008; Копотев, Стексова 2016; Endresen 2019; Урысон 2020], и анализ стратегий ее перевода позволяет оценить различные подходы. Проверялось, (i) можно ли выделить регулярные способы передачи предложенных в литературе значений; (ii) каким образом конкретное значение влияет на степень соответствия оригинала и перевода.

В результате анализа 703 примеров выявлено три основных значения конструкции: немаркированности, примирения с обстоятельствами и внешнего сходства, что не полностью совпадает с описаниями в литературе. В [Санников 2008] не разделяются первое и второе значения, в [Копотев, Стексова 2016; Endresen 2019] выделяется дополнительное значение продолжительности действия.

Позицию X в конструкции могут занимать существительные, прилагательные, числительные и местоимения в разных падежных формах, а также наречия и глаголы. В собранном корпусе наиболее частотны конструкции с существительными, наиболее распространенным значением является значение немаркированности (2/3 примеров).

По предварительным данным, при значении немаркированности эквивалентами могут выступать устанавливающие тождество тавтологии, см. (2), что свидетельствует в пользу анализа в [Урысон 2020]. Также перевод может содержать перифразы с поясняющими комментариями, которые отсутствуют в оригинале, см. (3), что наблюдается и в случае с конструкциями со значением примирения с обстоятельствами, см. (1).

(2) *Приказ и приказ*. [Варлам Шаламов. Магия]
Orders are orders. [перевод John Glad]

(3) *На нас немцы никакого внимания — свои и свои; утро, туман, ничего не разберешь, только слышно — моторы да траки лязгают.* [Б. Н. Полевой. Повесть о настоящем человеке]
Nobody stopped us — it was a foggy morning and they couldn't see anything, they could only hear the sound of the engines and the fattling of the tracks. They thought we were Germans. [перевод Joe Fineberg]

Значение сходства передается выражениями, указывающими на соответствие норме, см. (4).

(4) *Зевнув, один охотник сказал, глядя на засыпанный ельник: – Комод и комод!* [М. М. Пришвин. Гон]
"A regular cupboard it is," said one of our hunters, yawning. [перевод L. Navrozov]

При интерпретации продолжительности действия конструкция переводится аналогичной структурой, см. (5).

(5) *Целый день ученье и ученье: полевое, строевое, гарнизонное*. [А. И. Куприн. Яма]

The whole day drilling and drilling: field, formation, garrison. [перевод Bernard Guilbert Guerney]

Ввиду наличия в русском языке конструкции *(X,) X и X* со значением интенсивности более оправданно рассматривать эти случаи как вариант реализации конструкции *(X,) X и X*. Это единственное значение, в котором конструкцию можно «расширить» (*ученье, ученье и ученье*).

Для *(ну,) X и X* наблюдается неполное структурное соответствие, а примеры с интерпретацией длительности имеют полные эквиваленты ввиду их принадлежности к другой конструкции.

Список литературы

Зализняк 2015 — *Зализняк А. А.* Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Ежегодной междунар. конф. «Диалог». 2015. Т. 1. № 14. С. 683–695.

Копотев, Стексова 2016 — *Копотев М. В., Стексова Т. И.* Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М., 2016.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // URL: https://ruscorpora.ru/new/

Санников 2008 — *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Урысон 2020 — *Урысон Е. В.* Об одном типе русских предложений тождества (*платье и платье, ничего особенного*) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020, 3. С. 104–114.

Endresen 2019 — *Endresen A. Ну работа и работа*: Russian constructions with reduplication. Talk given at November Seminar (Novemberseminaret i russisk 2019) at UiT The Arctic University of Norway, November 29, 2019.

Tiedemann 2012 — *Tiedemann J.* Parallel Data, Tools and Interfaces in OPUS // Proceedings of the 8th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC’2012). 2012.

КОНСТРУКЦИЯ С ГЕНЕРИЧЕСКИМ МЕСТОИМЕНИЕМ *ONE* И ЕЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сингатулина Арина Артуровна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

В английском языке существуют имперсональные конструкции с местоимением *one*, которое, как отмечается в литературе, указывает на то, что говорящий при формировании высказывания опирается на личный опыт, т. е. является прямым эвиденциальным показателем (англ. термин direct evidential), и одновременно делает обобщение, см. [Moltmann 2006]. В русском языке аналог такого местоимения отсутствует, что создает проблемы при переводе конструкций.

(1) *"Oh, sometimes one wonders how things would have turned out with a different decision, but after all, that's human, isn't it"?* [Arthur Hailey. The Final Diagnosis (1959)]

«Правда, иногда я задумываюсь, как бы сложилась моя жизнь, если бы я решила иначе, ведь, в сущности, все мы люди прежде всего». [Н. Кузнецова, Д. Мишне, Т. Николаева, Т. Пельц (1980)]

(2) *"Life is a game, boy. Life is a game that one plays according to the rules"* [J. D. Salinger. The Catcher in the Rye (1951)]

«Но жизнь действительно игра, мой мальчик, и играть надо по правилам». [пер. Р. Райт-Ковалёва (1965)]

Целью исследования является описание и классификация функционально-эквивалентных фрагментов английской конструкции с местоимением *one* в русском языке на материале Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), анализ факторов, которые влияют на выбор стратегии перевода конструкции на русский язык. В связи с этим был составлен корпус употреблений конструкций и их переводов по данным параллельного корпуса НКРЯ, а также была проведена аннотация примеров конструкции и их функционально-эквивалентных фрагментов по ряду параметров:

(а) генерическое / эпизодическое значение предложения; (б) модальный / веридикативный контекст; (в) генерический / экзистенциальный статус участника ситуации (о разграничении генеричности субъекта и предложения см. [Krifka et al. 1995]); (г) включение / невключение говорящего и адресата в событие (параметры а–г заимствованы из [van der Auwera et al. 2012]); (д) тип структуры в русском функционально-эквивалентном фрагменте.

В результате наиболее распространенными оказались формы 2 л. ед. ч. и дативно-инфинитивные структуры. При выборе данных стратегий важными оказались факторы наличия генерического значения предложения и включения говорящего и адресата в описываемое событие.

Список литературы

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: http://ruscorpora.ru

Циммерлинг 2018 — *Циммерлинг А. В.* Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018, 5. С. 7–33.

van der Auwera, Plungian 1998 — *van der Auwera J., Plungian V. A.* Modality's semantic map // Linguistic Typology. 1998. Vol. 2. No. 1. P. 79–124.

van der Auwera et al. 2012 — *van der Auwera J., Gast V., Vanderbiesen J.* Human impersonal pronoun uses in English, Dutch and German. Leuvense Bijdragen. 2012, 98. P. 27–64.

Krifka et al. 1995 — *Krifka M., Pelletier F. J., Carlson G., ter Meulen A., Link G., Chierchia G.* Genericity: An Introduction // *Carlson G., Pelletier F. J.* The Generic Book. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 1–124.

Malamud 2012 — *Malamud S.* Impersonal indexicals: *one*, *you*, *man*, and *du* // Journal of Comparative Germanic Linguistics. 2012. Vol. 15. No. 1. P. 1–48.

Moltmann 2006 — *Moltmann F.* Generic *One*, Arbitrary PRO, and the First Person // Natural Language Semantics. 2006. Vol. 14. No. 3. P. 257–281.

Moltmann 2010a — *Moltmann F.* Generalizing Detached Self-Reference and the Semantics of Generic One // Mind & Language. 2010. Vol. 25. No. 4. P. 440–473.

Moltmann 2010b — *Moltmann F.* Relative truth and the first person // Philosophical Studies. 2010. Vol. 150. No. 2. P. 187–220.

Moltmann 2012 — *Moltmann F.* Two kinds of first-person-oriented content // Synthese. 2012. Vol. 184. No. 2. P. 157–177.

РОЛЬ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОДСКАЗОК ПРИ ЯВЛЕНИИ «НА КОНЧИКЕ ЯЗЫКА»

Соколенко Елизавета Олеговна
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва),

Малютина Светлана Александровна
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Чувством «на кончике языка» называют ощущение говорящего, что он знает слово, но в данный момент не может воспроизвести его. Много исследований посвящено влиянию подсказок на разрешение состояния «на кончике языка», однако в них не сравнивались разные типы семантических подсказок. Целью данного исследования было выяснить, какой тип семантических подсказок (когипоним или ассоциация) лучше помогает в разрешении состояния «на кончике языка».

Участники эксперимента (19 человек в возрасте 21–39 лет) должны были назвать 105 низкочастотных слов по определениям, а затем, если они не могли вспомнить слово, предъявлялись подсказки — ассоциации или когипонимы к целевому слову. Также участники должны были отметить, испытывали ли они чувство «на кончике языка». Согласно теории частичной активации и результатам [Meyer, Bock 1992], мы ожидали, что подсказки будут помогать, а не препятствовать извлечению целевого слова. Согласно теории блокировки и результатам [Jones, Langford 1987] и [Jones 1989], мы предполагали, что подсказки-ассоциации будут помогать извлечению слова лучше, т. к. подсказки-когипонимы будут конкурировать с целевым словом и подавлять его активацию, исходя из того, что когипоним и целевое слово находятся в очень тесной связи в ментальном лексиконе.

Результаты показывают, что в среднем 26% ответов сразу после определения были правильными, а в среднем в 14% проб возникало состояние «на кончике языка». Результаты подтверждают теорию активации: подсказки помогали, а не препятствовали извлечению искомого слова. Теория блокировки не получила подтверждения в нашем исследовании: когипонимы и ассоциации не различались по успешности разрешения состояния «на кончике языка» (18% правильных ответов после подсказок-ассоциаций, 17% правильных ответов после подсказок-когипонимов; при дисперсионном анализе не был обнаружен значимый основной эффект типа подсказки: $F(1,18) = 0,33$, $p = 0,57$).

Список литературы

Jones 1989 — *Jones G. V.* Back to Woodworth: Role of interlopers in the tip-of-the-tongue phenomenon // Memory & Cognition. 1989, 17. P. 69–76.

Jones, Langford 1987 — *Jones G. V.*, *Langford S.* Phonological blocking in the tip of the tongue state // Cognition. 1987, 26. P. 115–122.

Meyer, Bock 1992 — *Meyer A. S.*, *Bock K.* The tip of the tongue phenomenon: Blocking or partial activation? // Memory & Cognition. 1992, 20 (6). P. 715–726.

THE ROLE OF CAREGIVERS' LANGUAGE INPUT IN EARLY BILINGUAL LEARNERS

Nina-Sophie Sczepurek
(University of Amsterdam, Netherlands, Amsterdam)

Previous research has shown that the quantity of language input matters for bilingual acquisition, e.g. [Thordardottir 2011]. However, qualitative input variables are less frequently investigated. Instead, many studies point towards a need to further dismantle qualitative input variables to examine if linguistically richer environments can be associated with bilingual children's language skills.

Qualitative input properties relate to the type of exposure a bilingual child receives (e.g., whether the child receives native or non-native input). Bilingual children are likely to receive input from both native and non-native speakers of their language(s) [Fernald 2006]. Another way of approaching the type of exposure a bilingual child receives is whether the child is exposed to caregivers' code-switching (CS), "the mixing of two or more languages in discourse" [Poplack 2015: 918], and subsequently mixed input.

The current study looks at the effects of caregivers' (native) language proficiency and caregivers' CS on children's receptive vocabulary of the majority language Dutch. Seventy-two bilingual children with a mean age of 35 months, who were exposed to Dutch and (an)other language(s) at home, were tested on a Dutch receptive vocabulary task (i.e., The Peabody Picture Vocabulary Test). Information on caregivers' proficiency and children's home input situations was assessed using an electronic questionnaire, which was constructed on the basis of already existing questionnaires (ALDeQ; BiLEC; Language Mixing Scale).

Linear mixed regression analyses showed that the amount of native Dutch input at home by children's caregivers was a significant predictor of children's vocabulary knowledge. Neither the amount of intrasentential CS (within a sentence) nor the amount of intersentential CS (between sentences) provided by caregivers came out as a significant predictor. Our findings suggest that native input may provide a higher frequency of complex structures and / or (types of) words necessary for the child's vocabulary development. Whereas some earlier studies point towards a negative effect of caregivers' use of CS on children's language skills, we cannot provide evidence for this notion.

Bibliography

Fernald 2006 — *Fernald A.* When infants hear two languages: Interpreting research on early speech perception by bilingual children // Childhood bilingualism: Research on infancy through school age / Eds. *P. McCardle* & *E. Hoff*. Multilingual Matters. 2006. P. 19–29.

Poplack 2015 — *Poplack S.* Code-Switching: Linguistic // International encyclopedia of social and behavioral sciences / Eds. *N. J. Smelser* & *B. Baltes.* Elsevier Science. 2015. P. 2062–2065.

Thordardottir 2011 — *Thordardottir E.* The relationship between bilingual input and vocabulary development // International Journal of Bilingualism. 2011, 15 (4). P. 426–445. https://doi.org/10.1177/1367006911403202

ADAPTATION OF PALATAL SONORANTS IN THE PORTUGUESE-BASED CREOLES OF AFRICA AND ASIA

Carlos Silva
(University of Porto, Portugal, Porto)

RESEARCH PROBLEM

Palatal sonorants are relatively rare in the languages of the world and are therefore considered inherently complex [Ladefoged, Maddieson 1996]. In languages with segments of this kind, such as Portuguese /ʎ ɲ/, they exhibit a particular behaviour, with respect to their distribution. In short, these consonants (i) are disallowed as initial onset (except for some loanwords, such as [ʎama], see [Mateus, Andrade 2000]; (ii) they do not admit a branched rhyme to their left ([ar.ma] 'weapon' ≠ *[ar.ɲa]) and (iii) they cannot be the final onset of a proparoxitone word ([tuˈaʎa] 'towel' ≠ *[ˈtɔaʎa]). In addition, they are considered to assign weight to the previous syllable, being hence considered as heavy onsets [Topintzi 2010].

This study aims to analyse the adaptations of Portuguese origin words in the Portuguese Creoles of Africa and Asia, namely (i) if the creole has no /ʎ/ or /ɲ/, which strategy is used to replace it and (ii) if it has palatal sonorants, are they conditioned by the same restrictions as in the lexifier language.

DATA SOURCE and RESEARCH METHODS

The primary data source is the Atlas of Pidgin and Creole Language Structures Online (APiCS, [Michaelis et al. 2013]), which enables us to check on the existence of palatal consonants in each Creole. For assessing the replacement strategies, grammars, thesis and small articles were used. Finally, for the measuring of the restrictions, we analyzed bilingual dictionaries of the creoles using a search software formula. The information was then organized in excel files for easy access and comparing.

FINDINGS

We found that no Creole has the segment /ʎ/ which is systematically replaced by (i) simple consonants [j] or [l], following the acquisition pattern of Portuguese [Amorim 2014]; (ii) by consonant + palatal glide, which resembles the historical path from Latin to Portuguese (fi/lj/u (lat.) 'son' > fi/ʎ/o (port.)) and (iii) by an affricate consonant [d͡ʒ]. On the other hand, /ɲ/ is retained by most Creoles, but it is allowed as initial onset (except in the Sri Lanka Portuguese) and, sometimes, it does not intervene in stress assignment (e.g. Santome Cr.). The fact that it never admits a branched rhyme to their left, may be related to the absence of such words in the lexifier language.

Bibliography

Amorim 2014 — *Amorim, Clara*. Padrão de Aquisição de Contrastes do PE: a interação entre traços, segmentos e sílabas. Ph.D. dissertation. Faculdade de Letras da Universidade do Porto, 2014.

Ladefoged, Maddieson 1996 — *Ladefoged Peter, Maddieson Ian*. The sounds of the world's languages. Cambridge: Blackwell, 1996.

Mateus, Andrade 2000 — *Mateus Maria. H., Andrade Ernesto*. The Phonology of Portuguese. Oxford: University Press, 2000.

Michaelis et al. 2013 — Atlas of Pidgin and Creole Language Structures Online / Eds. *Michaelis Susanne Maria, Maurer Philippe, Haspelmath Martin, Huber Magnus.* Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.

Topintzi 2010 — *Topintzi N.* Onsets: suprasegmental and Prosodic Behaviour. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

ANALYSING NOMINALIZATIONS IN MEDICAL ENGLISH

Viktória Mária Slovenská
(Pavol Jozef Šafárik University, Slovakia, Kosice)

Nominal derivation is a process in which complex nouns are derived from other categories, for instance verbs, adjectives or nouns [Bauer, Lieber, Plag, 2015]. They enable the construction of objective texts with clearer structure and larger amount of information. Due to these features, nominalizations are an important part of scientific discourse and part of medical language, which is highly specialised and precise language. Nominalizations are crucial part of Medical English, because most of the established names of diseases, tests and procedures as well as those still in research are nouns. Great influence on the medical language during its development had, and still has, Latin and Greek [Fishbach 1993: 94]. However, there has been a shift and English has become the main language of medicine. The largest number of medical articles come from English speaking countries [Mićić 2013: 219]. This is supported also by Maher (1980), it is stated that already "in 1980, 72.2% of the articles in the Index Medicus database were published in English".

The aim of this paper is to analyse a selected set of nominalizations used in medicine from a morphological perspective in the light of the Onomasiological theory of Word-Formation by Štekauer (1998, 2005, 2016). The Onomasiological Theory of Word Formation presents a new view of word-formation, when it focuses on the speech community as its starting point. It also highlights the regularity of word formation and moves all irregular formations to lexicon, moreover it can deal with all types of nominalizations. The main source of the data collection is the Oxford English Dictionary [OED 2021]. The advantage of OED is that it allows an advanced search with setting up specific features for the queries. These features include restricting the search to the field of medicine and nouns as part of speech. Furthermore, the entries were chosen with the first dates of attestation between the years 1960 and 2020.

The analysis will focus on two main research questions. First, it will aim to answer the question which Onomasiological Types (OT) are typical of recent nominalizations in Medical English. Second, it will be investigated whether there are any correlations between the choice of OT and the medical specialization or any semantic classes of the nominalizations. The assumption is that the most typical onomasiological type for the medical language is OT1 and OT2, because they are the most transparent types and medical language needs to be able to specify new concepts as precisely as possible.

Bibliography

Bauer, Lieber, Plag, 2015 — *Laurie Bauer, Rochelle Lieber, Ingo Plag*. The Oxford Reference Guide to English Morphology. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 195–266.

Fishbach 1993 — *Fishbach, Henry*. Translation, the Great Pollinator of Science: A Brief Flashback on Medical Translation // Scientific and technical translation / Eds. *Wright, Sue Ellen*; *Wright, Leland D. Jr.* Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1993. P. 89–100.

Mićić 2013 — *Mićić, Sofija*. Languages of medicine — present and future // JAHR. ANNUAL. Proceedings from the International Conference The Language of Medicine — from its Genesis to the Culture and Ethics of Communication. Vol. 4, No. 7. MEDRI, Rijeka: Department of Social Sciences and Medical Humanities, 2013. P. 217–233.

OED 2021 — Oxford English Dictionary. [Online] Available from: www.oed.com

Štekauer 1998 — *Štekauer, Pavol*. An Onomasiological Theory of English Word-Formation. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 3–6, 69–70.

Štekauer, Pavol, Lieber 2005 — *Štekauer, Pavol*; *Lieber, Rochelle*. Handbook of Word-Formation. Dordrecht: Springer, 2005.

ТИПОЛОГИЯ ТРОПАТИВА

Тарасов Роман Викторович
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Работа посвящена типологии тропатива — грамматической категории, выражающей значение ‘считать кого-то / что-то Q’. Будут описаны различные типы конструкций и их структура.

В ходе исследования обработан 161 язык (144 естественных, 13 искусственных, 4 мёртвых) в основном методами анализа грамматик и онлайн-опроса носителей естественных и пользователей искусственных языков. Участникам элицитации предлагается перевести четыре различных тропативных конструкции на их родной язык с русского, английского, испанского, персидского либо украинского.

Существует несколько подходов к определению тропатива (каждый следующий способ включает предыдущий).

1) **Грамматический** — словообразовательный аффикс (арабский: *‘aqula* ‘быть умным’ — *ista’qala* ‘считать умным’).

Грамматический тропатив классифицируется:

а) по сочетаемости с разными основами — может присоединяться либо к любой основе (арабский: *hasuna* ‘быть хорошим’ — *istahsana, ‘aqula* ‘быть умным’ — *ista’qala*), либо к ограниченному количеству (турецкий: *az* ‘мало’ — *azımsamak, akıllı* ‘умный’ — **akıllımsamak*);

б) по наличию других функций — может быть специализированным (лакота: *wašte* ‘хороший’ — *waštelaka, ksapa* ‘умный’ — *ksapalaka*) или многозначным (нанайский: *ule* ‘хороший’ — *ulesiuri* ‘любить, считать хорошим’, *sebdeni* ‘веселье’ — *sebdensiuri* ‘веселиться’).

2) **Синтаксический** — предикат P(X, Y, Q), где X — субъект, Y — объект, Q — характеристика со структурой ‘X [считает] Y Q’. Предикат выражается аффиксом (см. «грамматический тропатив») или тропативным глаголом, который может быть:

— многозначным (*считать*, польский *miec* ‘иметь, держать’, гренландский *isigi* ‘видеть’);

— специальным (украинский *vvažati*).

3) **Семантический** — мнение X о Q как качестве Y, выраженное синтаксическим (в т. ч. грамматическим) тропативом или полипредикативно:

НИВХСКИЙ

ni	*k’imlɨ-dj:*	*if*	*k’oγa*	*manγ-dj*
1SG	думать-PRES	3SG	умный	быть-PRES

‘Я считаю его умным’.

Так как данная конструкция предполагает выражение значения при помощи двух клауз, тропатив нивхского языка не является синтаксическим.

Применение термина будет расширено в докладе. Он будет включать конструкции со значением ‘считаться Q’ (*обратные*) и схожие конструкции с отрицанием — *негативные*, наряду с *прямыми позитивными*.

В докладе также рассматривается тропатив искусственных языков с целью выяснить, какие конструкции могут считаться самыми простыми / сложными.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ТОНАЛЬНОСТЕЙ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗВУКОВОГО И ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКОВ

Тарасова Наталья Владимировна
(РГГУ, Россия, Москва)

В предлагаемой работе впервые исследуются различия структуры и тональности ассоциативных полей носителей русского звукового и жестового языков.

Гипотеза: русский жестовый язык (РЖЯ) — родной язык глухих, способен, соответственно гипотезе Сепира-Уорфа, как любой другой язык, формировать особенности организации ментального лексикона, которые можно исследовать методом ассоциативного эксперимента.

Самый показательный фрагмент ментального лексикона — ядро ментального лексикона, список самых частотных реакций во всех ассоциативных полях (АП), — был выделен Н. В. Уфимцевой на материале «Русского Ассоциативного Словаря» Ю. Н. Караулова [РАС].

Для первых 10 слов этого списка: *дом, жизнь, плохо, хорошо, человек, большой, нет, деньги, дурак, друг* — я провела в 2020 г. свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого от информантов — глухих носителей РЖЯ — для каждого стимула было получено не менее 100 реакций и были построены ассоциативные поля (АП).

На первом этапе эти АП я сравниваю с АП этих слов в [РАС].

Сравнение показало значимые отличия.

1) В АП носителей РЖЯ реакции ядер ассоциативных полей (трех первых рангов АП) самых высоких частот АП глухих гораздо менее стандартизованы: а) частотность слов этих рангов ниже, чем у слышащих, б) в них гораздо больше разных ассоциатов — они менее компактны, например:

Жизнь

[РАС] (всего 534): *смерть* — 62 (12% от АП); *прекрасна* — 30; *долгая, хороша* — 16;

РЖЯ (всего 124): *интересная* – 4 (3% от АП); *жизнь, любовь, счастье* — 3; *быт, длинная, дыхание, кислород, прекрасна, природа, радость, развитие, свет, сложна, смерть, солнце* — 2.

Плохо

[РАС] (всего 104): *хорошо* — 11 (11% от АП); *жить* — 8; *спать* — 5;

РЖЯ (всего 119): *алкоголь* — 3 (2,5% от АП); *курить, мясо, хорошо, школа* — 3; *война, горе, грустно, наркотики, негативность, неприятно, нехорошо, слёзы* — 2.

2) В АП глухих, в отличие от [РАС], практически нет языковых шаблонов. Так, в [РАС] шаблоны в АП *человек*: *невидимка* — 25, *амфибия* — 22 и т. д. (21,3% всех реакций); *жизнь*: *жестянка, прожить — не поле перейти, Клима Самгина, иль ты приснилась мне* и т. д. В РЖЯ из 10 АП только у *дурак*: *Иван* — 2, *Иванушка, набитый* — 1 и у *хорошо*: *быть тихоней* — 1 (название книги и соответствующей экранизации).

3) В АП глухих практически нет, в отличие от АП слышащих, реакций-антонимов. У слышащих самая частая реакция к *хорошо — плохо* (94 из 210 — 46%), *жизнь — смерть* (62 из 534 — 12%), а в АП глухих *плохо* — 3, *смерть* — 1 и т. п.

4) В АП РЖЯ преобладают единичные реакции.

5) В АП носителей РЖЯ практически все реакции на стимулы с определенной оценочностью сохраняют оценочность стимула; реакции на нейтрально окрашенные стимулы чаще всего имеют положительные оценочные коннотации. При сравнении тональностей реакций АП [РАС] и глухих возникало впечатление, что у глухих гораздо

меньше негативных реакций: например, негативные реакции для слова *жизнь* в [РАС] составляют 36% всех реакций АП, а у глухих — 13%.

Чтобы исключить фактор временнóго разрыва данных [РАС] и эксперимента с глухими, в том же 2020 г. я провела дополнительный свободный ассоциативный эксперимент, информантами которого были 180 русскоязычных слышащих. Распределения оценочности в АП слышащих 2020 г. и АП глухих оказались близкими и составили в среднем: положительные в [РАС] — 39% АП, у глухих — 31%; негативные в [РАС] — 24%, у глухих — 27% от всех реакций полей.

Список литературы

Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Мартинович 1989 — *Мартинович Г. А.* Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филологические науки. 1989, 3.

РАС — *Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. С., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* Русский ассоциативный словарь // http://tesaurus.ru/dict/

Стернин, Рудакова 2011 — *Стернин И. А., Рудакова А. В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. «Ламберт», 2011. 192 с.

Тарасова 2021 — *Тарасова Н. В.* Сравнительный анализ языкового сознания носителей русского звукового и жестового языков (экспериментальное исследование) // Сопоставительные исследования — 2021. Вып. 18. Воронеж: издательство «РИТМ», 2021. С. 139–144.

Уорф 1960 — *Уорф Бенджамен Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 135–153.

Уфимцева 2016 — *Уфимцева Н. В.* Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016, 1. С. 238–249.

Ушакова 2000 — *Ушакова Т. Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. *Н. В. Уфимцева*. М.: Институт языкознания РАН, 2000.

Черкасова 2005 — *Черкасова Г. А.* Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей. Калуга, 2005. С. 227–244.

Baccianella et al. 2010 — *Stefano Baccianella, Andrea Esuli, Fabrizio Sebastiani*. SENTIWORDNET 3.0: An Enhanced Lexical Resource for Sentiment Analysis and Opinion Mining Proceedings of LREC. 2010. P. 2200–2204.

Pang, Lee 2008 — *Bo Pang, Lillian Lee*. Opinion mining and sentiment analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval. 2008, 2. P. 1–135.

К ПРОБЛЕМЕ ИНЛАУТНОГО *W* В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА[12]

Тимкин Тимофей Владимирович
(Институт филологии СО РАН, Россия, Новосибирск)

Одной из проблем описания сургутского диалекта хантыйского языка является дистрибуция губного щелевого *w*, заднеязычного *γ* и огубленного заднеязычного *γ̊*. По данным словаря Н. И. Терешкина [Терешкин 1981], выделяются две группы говоров, относящихся к сургутскому диалекту. В тром-юганском (тромъеганском), аганском, усть-аганском говорах *w* употребляется только в анлауте, *γ̊*, *γ* — только в инлауте. В юганском и усть-юганском говорах возможен также инлаутный *w*. Распределение звуков подчиняется левому контексту: после *i*, *e*, *ə*, *ă* — тр-юг. *γ̊*/ юг. *w*, если гласный восходит к огубленному, *γ* иначе;

— после *ŭ* — тр-юг. *γ̊*/ юг. *w*, с единичными отклонениями;

— после *i̯*, *u*, *å*, *a* (тр-юг.), *ȧ* (юг.), согласных — как правило, *γ*, однако в ряде лексем в юганском *γ̊* после *a*, соответствующего тр-юг. *å*; после *å* также возможно *γ̊*;

— после *ŏ*, *ŏ* — *γ̊*, в единичных случаях юг. *w*;

— после *o*, *ă* — тр-юг. *γ̊* либо *γ*, в юганском в соответствии с тр-юг. *γ̊* могут быть в разных лексемах *γ̊*, *w* либо их вариативность.

Д. Абондоло предполагает, что *γ̊* может рассматриваться как реализация фонемы /w/ [Abondolo 1998: 363]. М. Чепреги указывает, что в пимском и юганском говорах *γ̊* произносится как *w* во всех случаях; в тромъеганском — после передних гласных [Чепреги 2017: 34].

Томографический анализ, проводившийся в лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) Института филологии СО РАН с одним пимским и двумя тромъеганскими информантами, показал, что инлаутный *w* имеет сильную веляризацию, однако отличается от *γ̊* более передним положением спинки языка.

Наши наблюдения основаны на выборке экспедиционных аудиоматериалов, включающих чтение словарных списков от одного носителя пимского говора, четырех — тромъеганского и трех — юганского. Эти данные согласуются с наблюдениями М. Чепреги о двух типах реализации *γ̊*. Однако первый тип — полную замену *γ̊* на *w* — мы находим у пимского информанта и одного тромъеганского, но не у юганских. Второй тип — замену после переднерядных гласных — мы находим у тромъеганских и юганских дикторов. В этом типе наблюдаются колебания после *ă*, *o*: например, *oγ̊* ‘голова’, но *owti* ‘верх’. Данная вариативность фиксируется в [Терешкин 1981], но как специфически юганская.

Мы приходим к выводу, что переход *γ̊* > *w* носит всеобщий характер после неогубленных гласных, т. е. в позициях, где *w* и *γ* могут противопоставляться как две фонемы. Наоборот, в иных позициях противопоставление фонем /*w*/ и /*γ*/ нейтрализуется и распределение аллофонов [w], [γ̊], [γ] подчинено, по-видимому, комбинаторным правилам, которые различаются территориально и требуют уточнения.

Список литературы

Терешкин 1981 — *Терешкин Н. И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.

Чепреги 2017 — *Чепреги М.* Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2017. 276 с.

Abondolo 1998 — *Abondolo D.* Khanty // The Uralic Languages. London: Routledge, 1998. P. 358–386.

[12] Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 012-00388).

СЕДАКТИВНЫЕ ДЕТАЛИ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ УЧЕБНОГО ТЕКСТА: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ[13]

Трущелёв Павел Николаевич
(РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург)

Доклад посвящен вопросу понимания учебных текстов, в смысловой структуре которых представлены интересные, но незначимые компоненты — седактивные детали (СД) [Garner et al. 1989]. Считается, что СД препятствуют адекватному пониманию текста, однако результаты исследований остаются противоречивыми. Актуальной является задача лингвистического описания СД.

Как правило, СД связаны с конкретизацией сообщаемых фактов, а именно с приемами усиления наглядности и контекстуализации. В первом случае СД могут быть представлены в текстах с вымышленным повествованием (например, описание материков представляется как полет на самолете: *При изучении материков мы будем совершать воображаемое путешествие по каждому из них. Условимся, что путешествовать мы будем на маленьком самолете…*), а также вкраплениями в виде отдельных высказываний (например, в параграфе «Хвойные растения» из учебника по биологии: *В еловых лесах царит полумрак из-за сомкнутых крон*). Во втором случае СД представляют собой авторские комментарии (например, *Конечно, чтение конституции — дело не из легких, зато очень полезное*) и репрезентации различных ситуаций, знакомых учащимся (пример (1) из параграфа «Труд и зарплата» из учебника по обществознанию).

(1) *С детских лет ты слышишь от старших слово «зарплата». С этим словом связаны в твоей памяти долгожданные покупки*.

СД также могут быть представлены в виде сообщений «необычных» фактов (например, под рубрикой *Это интересно* или *А вы знаете, что…*).

Информационная значимость СД зависит прежде всего от их текстообразующей функции. Так, значимость СД в текстах с вымышленным повествованием выше, потому что они определяют линию когезии текста. Повышается значимость СД и при увеличении их вклада в развитие коммуникации, когда компонент текста используется не только для каузации интереса. Так, СД могут использоваться для облегчения понимания текста учащимися, см. пример (1).

Предложенный подход подтверждают данные экспериментов (64 испытуемых), проведенных нами с использованием методики ключевых слов на материале четырех текстов из учебников по географии. В двух текстах были представлены СД: в одном тексте использовался прием вымышленного повествования, в другом использовались только детали-вкрапления (например, *Стоит ли удивляться, что столь могучая река породила множество легенд и мифов…*). Статистический анализ показал, что значимость и количество СД, выделенных испытуемыми из текста с вымышленным повествованием, выше значимости и количества СД, выделенных из текста с деталями-вкраплениями.

Таким образом, учитывая отношения между компонентами конкретных текстов, предлагается выделять СД на основе информационной значимости компонентов текста, их вклада в развитие коммуникации и их текстообразующей функции. В свою очередь, эти характеристики СД также следует учитывать в экспериментальных исследованиях.

[13] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00284 «Психолингвистическое исследование эмоциогенности учебных текстов (формирование эмоции интереса)».

Список литературы

Garner et al. 1989 — *Garner R., Gillingham M. G., White C. S.* Effects of Seductive Details on Macroprocessing and Microprocessing in Adults and Children // Cognition and Instruction. 1989, 6 (1). P. 41–57.

INDIGENOUS BILINGUAL ROAD SIGNS: THE SOCIOLINGUISTICS OF SENECA LANGUAGE REVITALIZATION

Anna Taylor
(Ohio State University, USA, Tonawanda, New York)

One of the fundamental types of human rights concerns collective-developmental rights which encompass the rights of minorities to use heritage languages and practices without external interference [Vasak 1977]. This protected status is a critical part of language revitalization in which speakers of heritage languages, faced with the encroachment of more socially dominant languages, embark on vigorous revitalization programs to ensure the survival and continued usage of their language. The Iroquoian language Seneca is one such language that currently has four speech communities and a variety of language revitalization initiatives.

To revitalize and reclaim their traditional language, community classes through the Seneca Language Department and the Faithkeeper Language Nest School for young speakers have concentrated their efforts on preserving Onöndowa'ga:' Gawë:nö' otherwise known as the Seneca language [Murray 2015; Bowen 2020]. In the public sphere, a recent push by the Seneca Nation of Indians Department of Transportation in fulfillment of the federal Native American Tourism and Improving Visitor Experience Act enacted in 2016 has introduced bilingual road signs for state roads running through indigenous land in addition to many other significant components [Figura 2016]. This legislation has paved the way for more public and visible Seneca revitalization in an area whose geographic names are strongly connected to Iroquoian languages including Seneca. These names, applicable to both people and places, have considerable significance to group identity as well as valuable cultural knowledge in terms of embedded connotative meanings that showcase the inadequacy of English equivalents in replacing heritage languages.

Through oral histories collected from a prominent Seneca Nation member and language advocate as well as members of the New York State Department of Transportation who were involved with the landmark legislation, this study pursues a contrastive analysis of the public use of heritage languages and the various language revitalization efforts occurring among indigenous and minority communities. As the COVID-19 pandemic threatens already vulnerable populations, heritage languages that have historically been oppressed face a global language crisis that disproportionately harms and disadvantages speakers of heritage and minority languages [Roche 2020].

While government institutions have played key roles in the oppression and stigmatization of heritage languages like Seneca, the NATIVE Act among other legislation has established that these oppressive powers can be wielded in support of indigenous communities and their goals. Through this work on collective-developmental human rights and something as seemingly mundane as the language of road signs, I aim to demonstrate how these signs have important symbolic value and represent an effort foremost by the community to reclaim an integral piece of their culture that they should always have had the right to.

Bibliography

Bowen 2020 — *Bowen, Ja:no's*. Onöndowa'ga:' Gawë:nö'. 2020 // https://senecalanguage.com/community-classes-now-available/

Figura 2016 — *Figura, David*. Bilingual Road Signs: Growing trend on state roads crossing Indian lands // Advance Local Media LLC, 2016 // https://www.newyorkupstate.com/news/2016/10/bilingual_road_signs_growing_trend_on_state_roads_crossing_indian_land.html

Murray 2015 — *Murray, Ann*. Reclaiming Traditional Seneca Culture // The Allegheny Front, 2015 // http://archive.alleghenyfront.org/story/reclaiming-traditional-seneca-culture.html

Roche 2020 — *Roche, Gerald*. Towards a New Language of the Global Language Crisis. UNESCO. 2020 // https://catedra-unesco.espais.iec.cat/en/2020/11/23/50-towards-a-new-language-of-the-global-language-crisis/

Vasak 1977 — *Vasak K*. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights. UNESCO Courier. 1977.

СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛА *ЧИНИТЬ* В ДИАХРОНИИ: К ДИНАМИКЕ УЗУСА

Федерика Флориди
Federika Floridi
(Sapienza University of Rome, Italy, Rome)

В настоящее время получают более всестороннее освещение динамика узуса и изменение лексической сочетаемости в диахронии. С помощью корпуса стало возможно выделить малые семантические и синтаксические сдвиги, приведшие к тому, что современный узус сильно отличается от языкового узуса времен А. С. Пушкина.

Цель данной работы состоит в изучении сочетаемости и семантики глагола чинить на протяжении XVIII–XXI вв. Исследование проводится с помощью НКРЯ, ведущими методами являются компонентный и дистрибутивный анализ.

Динамика узуса проявляется в значительном сужении сочетаемости глагола *чинить*. В XVIII в. его синтагматические возможности были весьма широки: *чинить решение, опыты, присягу, обиду, сопротивление, наказание, исполнение, вспоможение* и т. д. Однако в течении XIX в. его сочетаемость постепенно сокращается вплоть до того, что в современном русском языке этот глагол употребляется как вспомогательный в ограниченном количестве стилистически маркированных коллокаций (*чинить препятствия, суд, расправу, произвол* и т. д.); в остальных позициях его заменили глаголы *оказывать, ставить, принимать*.

Параллельно в XIX в. становятся частотными употребления данного глагола с конкретными существительными (*одежда, мост, часы* и т. д.), возникает его новое значение ‘исправлять, делать вновь пригодным’.

Результаты анализа позволяют предположить, что изменение сочетаемости глагола *чинить* коррелирует со специализацией его лексического значения.

Список литературы

Базаров 2018 — *Базаров Е. Э.* О глагольно-именных конструкциях с полузнаменательным глаголом в деловых документах Забайкалья конца XVII в. // Русский язык в научном освещении. 2018, 1 (35). С. 207–225.

Добровольский 2001 — *Добровольский Д. О.* К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001, 1. С. 161–178.

Добровольский 2005 — *Добровольский Д. О.* Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус // Русский язык в научном освещении. 2005, 2 (10). С. 43–86.

Падучева 2018 — *Падучева Е. В.* Из наблюдений над языком Л. Толстого (к вопросу о малых диахронических сдвигах) // Вопросы языкознания. 2018, 5. С. 49–63.

ОПУЩЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ В САМОДИЙСКОМ РУССКОМ[14]

Хомченкова Ирина Андреевна
(Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН, Россия, Москва)

Данная работа посвящена опущению предлогов (1)–(3) на материале самодийского подкорпуса (тундровый и лесной энецкий, нганасанский) из корпуса русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока [Khomchenkova et al. 2019][15].

(1) *Я жила <в> Яковлевке* (enh_za)[16].
(2) *Они же вот <с> матерью общались же* (enh_za).
(3) *<К> жене пошел* (nio_kvb).

Распределение предлогов в подкорпусе представлено в Таблице 1 (были проанализированы тексты объемом 47046 токенов): наиболее часто опускается предлог *в*.

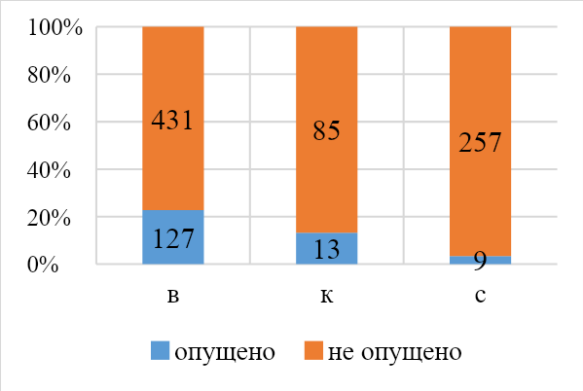


Таблица 1. Опущенные vs. не опущенные предлоги.

Опущение предлогов встречается и в других разновидностях русского языка: дагестанский русский [Даниэль, Добрушина 2013], мордовский русский [Пуссинен 2010: 119; Shagal 2016: 370–372], чувашский русский [Байда 2018], коми русский [Бакланова 2014: 124; Боронникова 2014: 119], калмыцкий русский [Акименко 2014: 22], татарский русский [Боронникова 2014: 117], шорский русский [Резанова, Дыбо 2019: 201, 206], ительменский русский [Браславец 1968: 319] и др. В предыдущих исследованиях обсуждались различные факторы, которые могут влиять на опущение предлогов: контактной природы (морфосинтаксические, фонетические) и неконтактной природы («семантический вес» предлога). Мы обсудим эти факторы подробнее в докладе.

На материале предложных групп с *в* (ввиду наибольшего процента его опущений) мы рассмотрели следующие параметры: фонетический контекст (согласный *в дом* vs. гласный *в амбар*), падеж (предложный *в доме* vs. винительный *в дом*), семантический тип (время *в 1964 году* vs прототипическое место *в городе* vs прочее *в подошве*). Мы использовали смешанную логистическую регрессию [Gries 2013: 333–336; Levshina 2015: 192–196], а именно функцию glmer() из пакета lme4 [Bates et al. 2015] в R. В модель были включены все указанные (фиксированные) факторы и случайный фактор говорящего, чтобы учесть варьирование между носителями. Мы также применили

[14] Исследование поддержано грантом РНФ № 17-18-01649.

[15] Корпус доступен по ссылке: http://web-corpora.net/wsgi3/ruscontact/search.

[16] Опущенные предлоги записаны в угловых скобках. В круглых скобках приводится iso-код языка и код носителя.

функцию drop1(), чтобы убрать нерелеватные для нашей модели параметры, основываясь на значениях информационного критерия Акаике [Gries 2013: 266–267; Levshina 2015: 266–267][17].

Результат применения этих функций представлен на Рис. 1: значимым оказался лишь семантический тип существительного. Предлог *в* опускается чаще с ИГ, обозначающими время, а также прототипическое место.

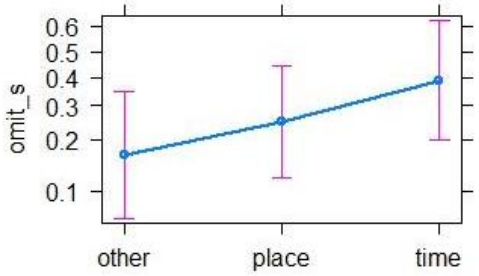


Рис. 1. Результат логистической регрессии.

В докладе планируется рассмотреть подкорпус большего размера и на его материале подробнее обсудить результаты статистического анализа опущения предлога *в*. Будут представлены наблюдения над опущением предлогов *к* и *с* (например, «комитативное» *с* опускается чаще, чем «элативное»). Наконец, мы обсудим, с помощью каких гипотез из представленных выше можно объяснить опущение предлогов в самодийском русском.

Список литературы

Акименко 2014 — *Акименко Н. А.* Некоторые особенности речи жителей города Элисты (к проблеме «Язык города») // Альманах современной науки и образования. 2014, 12 (79). С. 17–25.

Байда 2018 — *Байда К. А.* Русский язык в Чувашии: особенности речевой реализации русских предложно-падежных сочетаний в речи носителей чувашского языка // Доклад, представленный на конференции «Языки России в контакте с русским языком». ИРЯ РАН, 2018.

Бакланова 2014 — *Бакланова И. И.* Устойчивые коми-пермяцкие языковые особенности в русской речи Пермского края // Социо- и психолингвистические исследования. 2014, 2. С. 121–126.

Боронникова 2014 — *Боронникова Н. В.* Об интерференции в падежной системе (на материале русских спонтанных текстов татар и коми-пермяков) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014, 2. С. 115–120.

Браславец 1968 — *Браславец К. М.* Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск: Издательство Хабаровского государственного педагогического института, 1968.

Даниэль, Добрушина 2013 — *Даниэль М. А., Добрушина Н. Р.* Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”. Moscow: RSUH, 2013. P. 186–211.

Пуссинен 2010 — *Пуссинен О.* Особенности языковой ситуации и русского языка в Мордовии // Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian / Eds. *A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin.* Helsinki, 2010. Slavica Helsingiensia, 40. P. 111–133.

[17] Эти же функции применялась для исследования опущения предлогов в дагестанском русском [Panova, Philippova, in press], но для всех предлогов и с другими предикторами.

Резанова, Дыбо 2019 — *Резанова З. И., Дыбо А. В.* Языковое взаимодействие в речи шорско-русских билингвов // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019, 21 (2/187). С. 195–211.

Bates et al. 2015 — *Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S.* Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // Journal of Statistical Software. 2015, 67 (1). P. 1–48.

Gries 2013 — *Gries S.* Statistics for linguistics with R: A practical introduction. Walter de Gruyter, 2013.

Khomchenkova et al. 2019 — *Khomchenkova I., Pleshak P., Stoynova N.* The Corpus of Contact-Influenced Russian of Northern Siberia and the Russian Far East // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue". Moscow: RSUH, 2019. P. 253–264.

Levshina 2015 — *Levshina N.* How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis. John Benjamins Publishing Company, 2015.

Panova, Philippova, in press — *Panova A., Philippova T.* When a cross-linguistic tendency marries incomplete acquisition: preposition drop in Russian spoken in Daghestan // International Journal of Bilingualism. In press.

Shagal 2016 — *Shagal K.* Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya Speakers // Mordvin languages in the field / Eds. *K. Shagal, H. Arjava.* Uralica Helsingiensia. 2016, 10. P. 363–377.

КОМИТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЕДИНИЦАМИ *TĀƴƏL* И *LŪTƏL* В СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ МАНСИЙСКОГО ЯЗЫКА

Хомченкова Ирина Андреевна
(Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва),

Жорник Дарья Олеговна
(Институт языкознания РАН, Россия, Москва)

В северных диалектах мансийского языка (ОБСКО-УГОРСКИЕ) существует ряд единиц, употребляющихся в комитативных конструкциях (КомК): послелог *jot*, показатель инструментального падежа *-(ə)l* / *-təl*, а также единицы *tāƴəl* и *lūtəl*.

В то время как комитативный послелог и инструментальный падеж получили описание в грамматиках мансийского языка (см., например, [Murphy 1968: 43; Ромбандеева 1973: 54; Riese 2001: 26]), единицы *tāƴəl* ‘полностью’ и *lūt-əl* ‘все_прочее-INS’ описаны со значительно меньшей степенью подробности. Так, информация о свойствах единицы *tāƴəl* есть в [Сайнахова 1966: 136–137]; работы, в которых упоминалась бы единица *lūtəl*, нам неизвестны.

Единица *tāƴəl* свойственна для «холистических» КомК, в которых зависимая ИГ маркируется показателем проприетива (1). Так, в (1) ведро и расческа образуют «комплект» ввиду их пространственной близости, а в (2) — нет.

(1)	*am*	*wētra*	*orp-əŋ*	*tāƴəl*	/	*orup*
	1SG	ведро	расчёска-PROP	полностью		расчёска

jot *xot=wuɕkas-as-l-um*
COM от=бросить-PST-SG.O-1SG.S
‘Я выбросила ведро вместе с расческой’. {Расческа лежала в ведре.}

(2)	*am*	*wētra*	*orup*	*jot* /	**orp-əŋ*	*tāƴəl*
	1SG	ведро	расчёска	COM	расчёска-PROP	полностью

xot=wuɕkas-as-l-um
от=бросить-PST-SG.O-1SG.S
‘Я выбросила ведро и расческу’. {Расческа лежала не в ведре.}

Единица *lūtəl* также встречается в «холистических» КомК, при этом мы наблюдаем посессивное маркирование как на зависимой ИГ, так и на единице *lūt* (3).

(3)	*taw*	*laj*	*sāli-t*	*pussən*	*taw*	*taj-ap-as-an-e*
	3SG	DISC	олень-PL	весь	3SG	съесть-PFV-PST-PL.O-3SG.S

ēlmxōlas-e *lūt-e-təl*
человек-POSS.3SG всё_прочее-POSS.3SG-INS
‘Он, говорит, оленей всех съел, вместе с людьми’ [Экспедиционный корпус].

Согласно корпусным данным, без посессивного показателя единица *lūt* используется для выражения симилятивной множественности по [Даниэль 2000]. Однако, согласно данным опроса носителей, в некоторых идиолектах *lūtəl* может употребляться с проприетивом и без посессивного показателя (4), как и *tāƴəl*.

(4) *am* *wētra* *orp-əŋ* *lūt-əl*
1SG ведро расчёска-PROP все_прочее-INS

xot=wuєkas-as-l-um
от=бросить-PST-SG.O-1SG.S
‘Я выбросила ведро вместе с расческой’. {Расческа лежала в ведре.}

В докладе мы опишем различия между единицами *tāγəl* и *lūtəl* в КомК; приведем параллели из хантыйского языка (*теɲн* [Соловар 2006: 275] и *муйн* [Кошкарева 1996: 55]). Мы также обсудим модель полисемии единицы *tāγəl*, которая имеет значение ‘полностью’, может маркировать парные предметы, употребляется во временных контекстах (‘с детства’), см. [Сайнахова 1966: 133–136], сравнив их с моделями полисемии «холистических» комитативных показателей в других языках (см. [Хомченкова 2020]).

Список сокращений

1 — первое лицо, 3 — третье лицо, COM — комитатив, DISC — дискурсивная частица, INS — инструменталис, O — показатель объекта, PFV — перфектив, PL — множественное число, POSS — показатель посессивности, PROP — проприетив, PST — прошедшее время, S — показатель субъекта, SG — единственное число.

Список литературы

Даниэль 2000 — *Даниэль М. А.* Типология ассоциативной множественности. Дисс. канд. филол. наук. М., 2000.

Кошкарева 1996 — *Кошкарева Н. Б.* Послелоги хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1996. С. 45–61.

Ромбандеева 1973 — *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973.

Сайнахова 1966 — *Сайнахова А. Н.* Служебные слова в мансийском языке. Дисс. канд. филол. наук. М., 1966.

Соловар 2006 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь. СПб.: ООО «Миралл», 2006.

Хомченкова 2020 — *Хомченкова И. А.* О семантике совместности в комитативных конструкциях // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна / Ред. *А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева*. М.: Буки Веди, 2020. С. 588–593.

Murphy 1968 — *Murphy L. W.* Sosva Vogul Grammar. PhD. Indiana University, 1968.

Riese 2001 — *Riese T.* Vogul. Lincom Europa, 2001.

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СООЩЕСТВЕ РОССИЙСКИХ СААМОВ[18]

Честнов Никита Васильевич
(НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Настоящий доклад посвящен языковой ситуации в сообществе российских саамов. Все саамские идиомы на территории России, за исключением кильдинского, следует считать умирающими (moribund), кильдинский — находящимся под серьезной угрозой исчезновения (critically endangered).

Тема языковой ситуации в сообществе носителей саамских идиомов в России затрагивается в нескольких публикациях, однако исследована недостаточно подробно. Основными исследованиями на эту тему являются статьи [Шеллер 2010; Scheller 2013]; также проблематика языкового сдвига с переходом к русскому языку у саамов затрагивается в таких антропологических исследованиях, как [Allemann 2020] и [Afanasyeva 2013; Afanasyeva 2018].

Данное исследование опирается на метод глубинного интервью. Таким образом предпринимается попытка проверить результаты квантитативного исследования [Шеллер 2010] квалитативным методом. Наша выборка составляет 12 человек (4 мужского пола, 8 женского пола), средний возраст составляет 61 год, возрастной диапазон — от 44 до 82 лет. Общая длительность собранного аудиоматериала — 16 часов.

Изначально настоящее исследование планировалось провести в полевых условиях с марта по май 2020 г., что с изменением эпидемиологической ситуации стало невозможно. Отдельное внимание в докладе будет уделено проблемам полевой работы в дистанционном формате.

В докладе будут приведены промежуточные результаты исследования и описаны основные предпосылки языкового сдвига, а именно:

— последствия коллективизации в 1930-х гг., повлекшие за собой первую волну переселений саамов в РСФСР, последствия государственной политики в 1960-е гг., повлекшие за собой вторую волну переселений, в результате которой подавляющее большинство российских саамов стало жить в Ловозере;

— саамы, жившие в Ловозере и говорящие на разных идиомах, стали использовать русский как lingua franca как для общения между собой, так и с представителями других этносов (в Ловозере саамы в советское время составляли этническое меньшинство);

— языковая политика в ловозерской национальной школе-интернате, которая вплоть до 1980-х гг. была ориентирована на вытеснение русским саамских идиомов;

— негативное влияние северносаамского языка как наиболее престижного саамского идиома;

— конфликт внутри саамской интеллигенции, разгоревшийся в 1980-х гг. и не разрешенный до сих пор, приведший к утверждению и применению взаимоисключающих форм саамской кириллической письменности;

— низкое качество преподавания саамских идиомов в 2000-е гг. и наше время, вызванное устареванием пособий и кадровыми проблемами;

— давление окружения (боязнь саамского ребенка, что его будут дразнить «лопарём»).

[18] Доклад подготовлен в рамках проекта «Этноязыковой ландшафт Русского Севера» (поддержан программой «Открываем Россию заново» Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ в 2020 г.).

Список литературы

Шеллер 2010 — *Шеллер Э.* Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане. 2010, 2. С. 15–27.

Afanasyeva 2013 — *Afanasyeva A.* Forced Relocations of the Kola Sámi People: Background and Consequences. Master thesis. Tromsø: University of Tromsø, 2013.

Afanasyeva 2018 — *Afanasyeva A.* Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations. Doctoral thesis. Tromsø: University of Tromsø, 2018.

Allemann 2020 — *Allemann L.* The Experience of Displacement and Social Engineering in Kola Saami Oral Histories // Acta electronica Universitatis Lapponiensis, 288. Rovaniemi, 2020.

Scheller 2013 — *Scheller E.* Kola Sami Language Revitalisation — Opportunities and Challenges // L'Image Du Sápmi II: Études Comparées / Textes Réunis Par Kajsa Andersson, 16: 392–421. Humanistica Oerebroensia. Artes et Linguae. Örebro: Örebro University, 2013.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ С ВАРИАТИВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСАМИ *НА*- И *ПО*-)

Чуйкова Оксана Юрьевна
(РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург)

Согласно Малому академическому словарю (МАС), переходные глаголы с префиксами *на*- и *по*- относительно регулярно характеризуются вариативным управлением (род. п. vs. вин. п.), при условии, что прямое дополнение выражено кумулятивной именной группой (вещественным существительным или именем во мн. ч.), ср.:

(1) ***Натаскал воду*** (^{ОК}***воды***), ***наколол дрова*** (^{ОК}***дров***), *накормил отрубями кабана Борьку* <…> (В. Войнович).

(2) *Мы* ***похлебали щи*** (^{ОК}***щей***), *выпили, самогон забористый* (Ф. Светов).

Некоторые особенности данных глаголов состоят в следующем:

1) глаголы с префиксами *по*- и *на*-, способные к вариативному управлению, в большинстве случаев относятся к одному из морфемно характеризованных способов действия: кумулятивному (*набросать что / чего*), делимитативному (*поглодать что / чего*) и аттенуативному (*поубавить что / чего*);

2) глаголы, сочетающиеся с род. п., могут быть образованы как от перфективных (*накупить, посбавить что / чего*), так и от имперфективных основ (*наворовать, пощелкать что / чего*);

3) для глаголов с обоими префиксами возможна полипрефиксация (*пособирать, насобирать что / чего*), при этом комбинация *по*- и *на*- дает единственный случай, когда префикс *по*- с дистрибутивной семантикой допускает сочетаемость с род. п. (*понабросать, понаделать что / чего*);

4) вариативность управления в рамках префиксальных групп представляет системное явление: сочетаемость с род. п. возможна в для глаголов, отсутствующих в МАС (*попринимать таблеток, навскрывать банок*), и для глаголов, у которых вариативность управления не зафиксирована в словаре (*почитать книжек, нарисовать валуёв*);

5) особенности сочетаемости с количественными группами: а) *много / мало / несколько* — возможно для глаголов с обоими префиксами (*попить <u>немного</u> чаю, нарубить <u>немного</u> дров*); б) числительные — только с *на*- (*накопать <u>три</u> мешка картошки*); в) *все* — невозможно для *на*-, для *по*- дает дистрибутивную трактовку (**наколоть / поколоть* (дистрибутив) *<u>все</u> дрова*);

6) имперфективные корреляты кумулятивных и делимитативных глаголов также способны к управлению род. п. (*насовывали ваты, попивает портвешку*).

ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ ОТПЕРФЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чуйкова Оксана Юрьевна,
Шарыгина Софья Сергеевна
(РГПУ им. А. И. Герцена / СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

В докладе обсуждаются результаты исследования, посвященного рассмотрению специфики имперфективируемости отперфективных глаголов с префиксами *на-*, *по-*, *из(о)-* / *ис(о)-*, *вы-* и *за-* по сравнению с другими глаголами с теми же самыми префиксами. Уровень имперфективируемости фиксировался по трем источникам: Малому академическому словарю, Национальному корпусу русского языка (НКРЯ, http://www.ruscorpora.ru) и русскоязычному Интернету (посредством поисковых систем Google и Яндекс).

Ниже приводится пример полученных данных, где минимальная выборка — выборка без отперфективных глаголов, глаголов на *-и(зи)ровать* и глаголов морфемно характеризованных способов действия (далее — СД).

	НСВ2 в МАС (%)	МАС + НКРЯ (%)	МАС + Рунет (%)	Доля в максимальной выборке (%)
отперфективные *вы*-перфективы	93,67	96,2	98,73	**7,75**
вы-перфективы, min-выборка	82, 92	90, 60	94,87	
отперфективные *из(о)-* / *ис*-перфективы	75	81,25	87,5	**2,82**
из(о)- / *ис*-перфективы, min-выборка	66,54	74,54	84,9	
отперфективные *по*-перфективы	12,3	27,81	49,73	**10,69**
по-перфективы, min-выборка	31,08	43,49	68,92	

Обобщая полученные результаты по пяти префиксальным группам, можно констатировать, что уровень имперфективируемости отперфективных глаголов оказывается выше, чем по приставочной группе в целом, что может объясняться тем, что для них вторичный имперфектив является единственно возможной парой.

Исключение составляют *по*-глаголы, для которых уровень имперфективируемости отперфективных глаголов оказывается ниже, чем в целом по группе. Причиной может быть вхождение в состав подгруппы глаголов аттенуативного СД и ряда глаголов дистрибутивного СД, для которых вторичная имперфективация во многом затруднена по следующим формальным причинам:

— для дистрибутивного СД (*повытащить*) — при попытке подвергнуть глагол имперфективации получается также глагол дистрибутивного СД, но от имперфективной основы (*повытаскивать*);

— для аттенуативного СД (*пообсохнуть*) — при попытке подвергнуть глагол имперфективации получается глагол делимитативного СД (*пообсыхать*).

ЕДИНИЦА *ТАКОЙ* В СОСТАВЕ КОНСТРУКЦИЙ-КОЛЛОКАЦИЙ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ[19]

Шклярук Екатерина Ярославовна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

Доклад посвящен описанию конструкций-коллокаций (КК) со словом ТАКОЙ в современной русской устной речи. Представляется, что в речевых употреблениях единица ТАКОЙ переживает влияние специфичных для разговорной речи процессов, а особенности таких употреблений не всегда описаны академическими словарями и грамматиками, см. [Воейкова, Сатюкова 2010; Шклярук 2018]. Это слово в комбинации с определенными языковыми единицами имеет тенденцию к устойчивому употреблению. Под термином *конструкция-коллокация* понимается сочетание нескольких языковых единиц, обладающее грамматической природой, устойчивым характером употребления и статистической представленностью в устной речи. Подобные единицы являются, как правило, результатом действия двух активных процессов русской речи: грамматикализации и идиоматизации.

Источником материла для анализа послужил корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД). На материале 300 контекстов употребления, отобранных случайным образом, удалось обнаружить повторяющиеся модели: <ТАКОЙ + существительное + союз / союзное слово (*что, как, чтобы, который, откуда*)>; <неопределенное местоимение (*что-то, что-нибудь, какой-то, какой-нибудь*) + ТАКОЙ>; *и всё такое*; *бывает же такое*.

Для проверки гипотезы об устойчивом употреблении и статистической представленности выделенных КК в устной речи было решено обратиться к устному подкорпусу Национального корпуса русского языка. В качестве метода проверки гипотезы была выбрана теорема умножения вероятностей, предложенная К. Мэнингом и Х. Шутце, согласно которой вероятность одновременного наступления двух независимых событий равна произведению вероятностей этих событий. На лингвистическом материале эта гипотеза позволяет сравнить гипотетическую вероятность сочетаемости слов и фактическую встречаемость их сочетания. Например, вероятность употребления КК *такое ощущение, что* примерно в пять раз меньше показателя фактической встречаемости этой комбинации. Следовательно, можно говорить о подобных употреблениях как о конструкциях-коллокациях.

Самую устойчивую тенденцию к совместному употреблению обнаруживает особая группа внутри схемы <ТАКОЙ + существительное + союз>: сочетания *такое ощущение, что*; *такое впечатление, что*; *такая мысль, что*; *такая идея, что*.

Список литературы

Воейкова, Сатюкова 2010 — *Воейкова М. Д., Сатюкова Д. Н.* Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2010. Т. 6. № 2. С. 184–224.

Шклярук 2018 — *Шклярук Е. Я.* Местоименное слово *такой* в номинативных сочетаниях: попытка функциональной классификации // Коммуникативные исследования. 2018, 2 (16). С. 101–114.

Manning, Schütze 1999 — *Manning Ch., Schütze H.* Collocations. Foundations of Statistical Natural Language Processing. MIT Press. Cambridge, MA, 1999.

[19] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)».

ВЫРАЖЕНИЕ МАРШРУТА ДВИЖЕНИЯ ПРИСТАВОЧНО-ПРЕДЛОЖНОЙ СТРАТЕГИЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шувалова Варвара Петровна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

В русских конструкциях, выражающих движение, маршрут может кодироваться приставочным глаголом движения в сочетании с предложной группой со значением направления. При этом правила сочетания сателлитов этих двух типов (приставка и предлог) не однозначные: считается, что они подчинены «правилу дублирования» [Виноградов 1947: 643]. Это лишь частично подтверждается исследованиями: отмечается, что «и аллативные, и аблативные глаголы преимущественно тяготеют к <…> выражению валентности конечной точки перемещения» [Ферм 1990: 56].

Цель исследования — выявить закономерности сочетаемости приглагольных сателлитов, кодирующих разные фазы движения. Материалом послужила сплошная выборка из 12630 примеров НКРЯ с глаголами типа **ползти*, **ползать* и локативными предложными группами, размеченная по ряду параметров (локативная семантика приставки и предлога, вид глагола). Были получены следующие выводы.

1) Предлоги тяготеют к выражению конечной точки над начальной (эта иерархия прослеживается также и в сочетаниях с бесприставочными глаголами); у приставок же наблюдается обратная иерархия.

2) Корпусные данные показывают лишь статистическую тенденцию к «дублированию»: для каждого типа глаголов наблюдается статистически значимо более высокая доля дублирующих предлогов, чем если бы эти два параметра были независимы. Удивительным является то, что «дисгармоничных» контекстов типа *сползли на пол* наблюдается принципиально больше, чем «дисгармоничных» контекстов типа *с тыла подползли*.

3) Глагол СВ чаще сочетается с лативными предложными группами, чем глагол НСВ; глагол НСВ чаще сочетается с «фоновыми» предложными группами типа *ползает в грязи*.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что выражение конечной точки более характерно для менее грамматикализованного средства (для локативных предложных групп). Вероятно, это различие связано с тем, что конечная точка является прагматически более значимой и менее предсказуемой информацией, поэтому выражается предложно-падежной конструкцией, вводящей непосредственно сам ориентир. Начальная же точка часто может восстанавливаться благодаря контексту ситуации, в связи с чем легко кодируется семантически менее наполненным элементом.

Список литературы

Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык, М.—Л., 1947.

Ферм 1990 — *Ферм Л.* Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма. Uppsala, 1990.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СРАВНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ *ГАРАЖ КАК ГАРАЖ* И ЕЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ[20]

Шурпицкая Анастасия Юрьевна
(СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург)

В докладе рассматривается сравнительная тавтологическая конструкция «X как X» в русском языке и и ее функционально-эквивалентные фрагменты (далее — ФЭФ) в английском и немецком языках по данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

(1) *– Видели ли вы в гараже что-нибудь необычное? Буквально два слова! – Нет у меня комментариев! <…>* ***Гараж как гараж***[21].

'– Did you see anything strange in the garage? Just two words. – No comment! <…> It's ***just a garage****'.*

(2) *– Я окончательно поселилась здесь, несносный город, не правда ли? Но что делать! –* ***Город как город****, — хладнокровно заметил Базаров.* [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)]

"Es ist eine Stadt, wie jede andere auch"— sagte Bazaroff trocken.

В литературе отмечается, что конструкция «X как X» относится к классу генерических эквативов, стандарт сравнения которых не имеет конкретной референции, а отсылает к классу объектов [Haspelmath, Buchholz 1998]. Валентности «X» могут быть заполнены существительным, глаголом или наречием, общее значение — соответствие норме [Котта Рамузино 2019].

Для анализа данных были созданы две таблицы: для примеров с переводом, и для русских примеров, где примеры аннотировались по ряду параметров включая тип текста, значение конструкции, тип риторических отношений по [Jasinskaya, Karagjosova 2015] с предшествующим и последующим фрагментами текста и др.

По результатам оказалось, что, во-первых, несмотря на возможность употребления в английском и немецком языках аналогичных сравнительных конструкций с повтором, в собранном корпусе они встретились в качестве ФЭФ в 4 из 46 примеров.

(3) *Порою у матери являлось недовольство сыном, она думала: «Все* ***люди — как люди****, а он — как монах. Уж очень строг. Не по годам это…».*

'Every now and then she felt a certain dissatisfaction with him, and she thought: "All ***people are like people****, and he is like a monk. He is so stern. It's not according to his years"'.*

Далее было выявлено, что, по нашим данным, преобладает значение непримечательности объекта, а не значение соответствия норме, и это проявляется в переводах: наиболее частотны ФЭФ, раскрывающие семантику непримечательности (23 случая), см. (1), включая сравнительные конструкции без повторов (6), см. (2).

В 14 случаях мы имеем нулевые ФЭФ:

[20] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 19-78-10048 «Структуры с лексическими повторами в рамках современных лингвистических теорий» (lexicalrepetitions.com).

[21] Примеры взяты из параллельного корпуса НКРЯ. Из соображений краткости источники не указаны, однако в материалах они присутствуют.

<…> blies ich Wolken in die Luft, sah ihr nach und besann mich, wie es nur käme, daß ***alle Leute*** *so fleißig ihren Geschäften nachgingen, indes ich schon zwei volle Tage an der gleichen Latte herumnagelte.*

‘<…> а я мирно попыхивал сигарой, смотрел ей вслед и думал: отчего же это так происходит, что ***все, люди как люди****, трудятся не покладая рук, хлопочут, в то время как я уже второй день никак не управлюсь с одной планкой’.*

Конструкция чаще всего употребляется без маркеров риторических отношений, что может указывать на желание говорящего скрыть истинный смысл своего высказывания.

Список литературы

Котта Рамузино 2019 — *Котта Рамузино П. Мужик как мужик*: об одной сравнительно тавтологической конструкции в русском языке // Scando-Slavica. 2019, 65. P. 42–61.

Haspelmath, Buchholz 1998 — *Haspelmath M., Buchholz O.* Equative and similative constructions in the languages of Europe // Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.

Jasinskaya, Karagjosova 2015 — *Jasinskaja K., Karagjosova E.* Rhetorical relations // The Companion to Semantics. Oxford: Wiley, 2015.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА КОНСТРУКЦИИ ИСКЛЮЧЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Яковченко Анастасия Александровна
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва)

В докладе будут рассмотрены синтаксические и семантические свойства конструкций с предлогом *кроме* в сопоставлении с родственными конструкциями в английском языке.

Говоря о конструкциях исключения, необходимо отметить, что выделяют два типа — ***связанные*** (*connected exception phrase*), которые входят в одну составляющую с ИГ, и ***свободные*** (*free exception phrase*), которые присоединяются к целой клаузе [Hoeksema 1995]. В докладе будут выделены различия между свободными и связанными конструкциями в русском и английском языках, а именно:

1) **ограничение на квантор**

Ф. Мольтманн считает, что ИГ должна быть в сфере действия универсального квантора (*все, любой, каждый*) либо в сфере действия отрицательного универсального квантора (*никто*), но невозможно употребление ИГ с такими кванторами как *много, мало, некоторые* и т. д. (quantifier constraint) [Moltmann 1995]:

(1а) ***Every*** *boy* ***except*** *John came.*

(1б) *****Most*** / *****Few*** *boys came* ***except*** *John.*

Однако в русском языке возможны предложения с данными кванторами. Ср. примеры:

(2а) ***Многие*** *газеты его опубликовали (****кроме*** *«Известий», конечно).*

(2б) *Эта новость вообще* ***мало кого*** *заинтересовала,* ***кроме*** *ранимых экскурсоводш.*

2) **ограничение на синтаксический тип комплемента *кроме* / *except*** (составляющую, управляемую некоторой синтаксической вершиной — предлогом или союзом исключения)

В конструкциях с *кроме* выделенный элемент может быть выражен только с помощью ИГ (в отличие от союза *кроме как*), в английском языке *except* может управлять как ИГ, так и глагольной группой [Huddleston and Pullum 2002]:

(3а) *What else can we do except* [$_{VB}$ *pay the fine*]?

(3б) **Что ещё мы можем сделать кроме заплатить штраф?*

3) **употребление множественных исключений**

В английском языке возможно употребление двух ИГ в конструкции исключения (в русском это возможно с союзом *кроме как*).

В своем докладе мы подробно рассмотрим эти и другие особенности свободных и связанных конструкций исключения в русском и английском языках.

Список литературы

Hoeksema 1995 — *Hoeksema J.* The semantics of exception phrases // *J. van der Does and J. van Eijk* (eds.). Generalized Quantifiers and Applications. Amsterdam: Dutch Network for Language, Logic and Information, 1995. P. 145–177.

Huddleston and Pullum 2002 — *Huddleston R., Pullum G. K.* The Cambridge grammar of the English language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Moltmann 1995 — *Moltmann F.* Exception sentences and polyadic quantification. Linguistics and Philosophy. 1995, 18. P. 223–280.

СЕНСОРНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ОПИСАНИЯ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Ярошенко Полина Владимировна
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва)

Синестезия представляет интерес для многих дисциплин, в том числе и для лингвистики. Лингвистическое понимание синестезии тяготеет к отступлению от традиционного, базирующегося на нейрофизиологии. В центре внимания оказывается не собственно синестезия, а способы ее воплощения в языке в различных аспектах: фонетика и фонология (J. Simner, K. Barnett), психолингвистика (J. Mankin), теория метафоры (S. Ullmann, S. Day) и др.

Языковую синестезию можно рассматривать на уровне слов и словосочетаний. Основа такого сочетания — слова, содержащие сенсорный семантический компонент: *зудящая розовость* (осязание + зрение), *зелёное эхо* (зрение + слух). Перцептивная лексика сложна для описания, границы этого тематического класса размыты (это отмечала и Е. В. Падучева [Падучева 2004: 198]).

В докладе представлен один из способов классификации слов, относящихся к сенсорному восприятию. Классификация была выработана на базе авторского корпуса, куда вошли стихотворение А. Рембо «Пьяный корабль» и 15 его переводов на русский язык. В настоящий момент исследование продолжается на другом материале (параллельный корпус, включающий оригинальный текст романа «Лолита» на английском, перевод на русский и два перевода на французский).

Слова классифицируются по следующим критериям:

1) модальный критерий — соотнесенность с сенсорной модальностью;

2) компонентный критерий: монокомпонентные (*красный*) и поликомпонентные слова; поликомпонентные делятся на моносенсорные (*красно-золотой*) и полисенсорные (*золотисто-певучий*);

3) структурный критерий (простые и сложные слова);

4) критерий семантической репрезентации сенсорного компонента: ядерный компонент предполагает прямую соотнесенность с сенсорной модальностью и играет определяющую роль в семантике слова (*красный, солёный*), периферийный является одним из множества компонентов и характеризуется зависимостью от контекста (*лимонный*).

Системное описание перцептивной лексики даст возможность работать в том числе и с корпусами текстов значительного объема. В современных корпусных исследованиях синестезии (например, [Strik 2015; Zhao 2020]) не было сформулировано единого набора критериев для выделения слов, содержащих сенсорный компонент, поэтому задача остается актуальной.

Список литературы

Падучева 2004 — *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Strik 2015 — *Strik Lievers F.* Synaestesia: A corpus-based study of cross-modal directionality // Functions of language. 2015, 22. P. 69–94.

Zhao 2020 — *Zhao Q.* Embodied Conceptualization or Neural Realization. A Corpus-Driven Study of Mandarin Synaesthetic Adjectives. Singapore: SpringerPubl., 2020.

DIFFERENTIAL PLACE MARKING (DPM) IN MANDARIN CHINESE

Lin Xiao
(Institute on East Asian Linguistics (CRLAO) of EHESS, France, Paris)

According to Haspelmath [Haspelmath 2019], differential place marking is a situation in which the coding of locative, allative or ablative roles depends on subclasses of nouns, in particular place names (toponyms), inanimate common nouns and human nouns. When languages show asymmetric coding differences depending on such subclasses, they show shorter (and often zero) coding of place roles with toponyms, and longer (often adpositional rather than affixal) coding of place roles with human nouns.

In the Mandarin spoken language, many prepositions (especially *zài*) placed either after or before the VP are optional. Several Chinese linguists have admitted that there is a deletion of the post-verbal preposition that turns the locative complement into a locative object. This hypothesis of deletion is debatable. Whether the semantic role encoded in the preposition is locative, allative or ablative, the marked location is in a sense more salient than the non-marked (without any preposition).

(1) Post-verbal LP (Locative Phrase)
我住 (在) 这楼
wǒ zhù (zài) zhèi lóu
I live (at/in) this building
'I live in this building'.

(2) Pre-verbal LP
(a) 他 (在) 外面吃饭
tā (zài) wàimiàn chīfàn
He (at) outside eat
'He eats outside'.

(b) (往) 东走三十米
(*wǎng) dōng zǒu sānshí mǐ*
(to)-ALLATIVE east walk 30 meter
'Walk 30 meters to the east'. [Field notes]

(c) (从) 北京去的多
(*cóng) Běijīng qù de duō*
(from-ABLATIVE) Beijing leave PARTICLE many
'(Those) who have left from Beijing are numerous'. [Field notes]

This paper discusses, on the one hand, the conditions under which these DPM prepositions can be optional. For instance, (i) the ellipsis of the prepositions cited above is obviously a key characteristic of the spoken language; (ii) dissyllabic verbs or very long objects of the preposition often do not accept the absence of the preposition. On the other hand, we will also outline the cases in which the ellipsis of the preposition *zài* is not accepted neither in a pre-verbal nor in a post-verbal position, due to some (semantical-)syntactical restrictions.

(3) 他 *(在) 公司很有名
*tā *(zài) gōngsī hěn yǒumíng*
He at / in company very well-known
'He is very well-known in the company'. [Field notes]

(4) 我把他推倒 *(在) 沙发上

wǒ bǎ *tā tuī-dǎo* *(*zài*) *shāfā-shàng*

I Object-marker he push-RESULTATIVE *(at / in) sofa on

'I pushed him down on the sofa'. [Li, Thompson 1981]

Differential place marking (DPM) can be explained by frequency asymmetries, expectations derived from frequencies, and the general preference for efficient coding. A comparative analysis will also be undertaken, based on the existing research works [Stolz 2014; Haspelmath 2019] that have given an overview of DPM phenomena in several languages and formulated a number of universals that seem to be well supported.

Bibliography

Haspelmath 2019 — *Haspelmath M.* Differential place marking and differential object marking // STUF-Language Typology and Universal. 2019, 72.3. P. 313–334.

Li, Thompson 1981 — *Li, Charles N.*; *Thompson, Sandra A.* Mandarin Chinese: a Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1981.

Stolz et al. 2014 — *Stolz T.*, *Lestrade S.*, *Stolz C.* The crosslinguistics of zero-marking of spatial relations. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

THE IMPACT OF LANGUAGE POLICY ON THE LINGUISTIC SITUATION IN MODERN MOROCCO WITHIN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Souhaila Khamlichi
(Sidi Mohamed Ben Abdellah University – Fes, Morocco, M'diq)

Morocco is a multilingual society where many languages interact. Under the impact of globalization, Moroccans' will to open up on the world has emerged. Morocco has recently reinforced foreign languages, especially French and English.

The study investigates Moroccans' use of French and English in view of the new language policy. Given the impact of globalization, the study tries to highlight recent aspects of multilingualism in Morocco. In detail, it examines Moroccans' linguistic habits in relation to French and English, their attitudes towards these languages, the domains of use of these languages as well as the degree of their use in each domain in the light of the current Moroccan and international language policy.

The research hypothesis underlying the present study stipulates that French and English enjoy more value and prestige by dint of the vital role they serve in distinct social situations, their association with social mobility, educational accomplishment, and better job opportunities. On the other hand, the Moroccan local and official languages are not much valorized. The study adopts a research design that combines various methods of investigation and a mixed method approach. The quantitative approach is used for the collection of direct testimonies from people on the basis of observation and interviews. The quantitative data is mainly collected via the questionnaire designed for this purpose.

The findings reveal Moroccans' willingness to open up to the world as a result of the recent reinforcement of the two main foreign languages, i.e., French and English. The study also argues that though the Moroccan system of education seems to preserve the Moroccan linguistic and cultural identity, Arabic and Amazigh varieties are losing more ground on the social as well as the professional level in favour of foreign languages which have progressively become crucial in securing a better future and granting one's academic, professional, and social prosperity.